

УЖАСНАЯ ЛЮБОВЬ

Пьеса.

«Мисс Лестер, для меня очень важно, что я люблю вас. Некоторые думают, будто любовь - это секс и брак, и поцелуи в шесть часов, и дети, и, наверно, оно так и есть, мисс Лестер. А знаете, что я думаю? Я думаю, любовь - это прикосновение и в то же время это не прикосновение».

Дж.Д. Сэлинджер. «Душа несчастливой истории».

«Никто не знает, что происходит между двумя людьми».

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ЛЮБОВЬ.

1. ЛИКА. Январь, 9. 18:08

«Мой дорогой и далекий друг Антонио! Я поздравила тебя с Новым Голом? Нет???

Значит, с Новым Годом тебя!!! Чтобы он стал самым продуктивным и креативным! Надеюсь, я буду получать время от времени новости о твоей новой жизни. Теперь ты далеко. А еще недавно мы жили в одном городе, и у нас были грандиозные планы, и мы лихорадочно пытались их осуществить, хаотично бегая по городу с арендованными камерами... Мне кажется, одно из наречий в предыдущем предложении лишнее, только вот какое - «лихорадочно» или «хаотично»? В последнее время я много думаю над такими вещами...

Как я тебе уже писала, прошлой осенью я решила завязать с моими дурацкими работами. Мне уже двадцать восемь и надоело, что я знаю о кино больше, чем все эти сериальные режиссеры, которым я таскаю на площадку растворимый кофе и спрашиваю – какой дубль мне отметить, как «удачный».

Да ты и сам все знаешь. Всю эту собачью жизнь. Никогда не высыпаться, есть мерзкий кинокорм, перманентно мерзнуть. И главное, столько усилий вкладывать в заведомо плохой продукт. Какой в этом смысл? Разве это - настоящее творчество? В чем смысл такой жизни? Нет, я, как бы, много полезного опыта почерпнула. Если считать полезным

опыт наблюдения за тем, как не надо писать сценарии, снимать кино и работать с актерами... Ох, Антон. Когда я думаю о том, как много мне хочется сделать – я сразу же начинаю думать о времени, которое ползет, как сонная гусеница, к моему успеху, который, как я когда-то была уверена, неизбежен, и я до сих пор почти в этом уверена, но... Боже, какое я сейчас написала длинное и нескладное и, наверняка, – несогласованное предложение. Короче! Как же медленно все в моей жизни развивается!!! Все жалуются на время, которое слишком быстро летит: – ах, мои годы, ах куда вы? Я же думаю о том, что в отличие от других, я с самого начала знала, чего хочу. С тех пор, как себя помню, я живу в ожидании того, как что-то уже начнет происходить с моей жизнью. Что-то действительно важное. Эпохальное. Революционное. Со мной и с моей карьерой. Типа, я напишу сценарий, который всё изменит. Как бы мне хотелось, чтобы ушло, наконец, это чувство, которое всегда со мной, горит внутри меня ровным и безжалостным огнем, – годами сжигает меня изнутри. Эта ярость оттого, что я, будто, топчусь на пороге великой и прекрасной вечеринки, а там все эти – успешные, талантливые и красивые люди, которые до сих пор почему-то меня не знают... А я все стою и стою у них на пороге. А дверь все не открывается и не открывается... Вот, ты! Ты же меня знаешь. Скажешь, нет у меня потенциала? Хаха! Напрашиваюсь на комплимент. Но на то и друзья, чтобы в моменты сомнений говорить слова утешения и поддержки.

Я тебе писала прошлой осенью, что я отовсюду ушла. У меня не получилось писать ситком. Проект вообще закрыли, ну и слава богу. Это был кошмар. Хуже не бывает. Я больше никогда не буду писать комедию. Тьфу. И короче мне еще тогда предлагали пойти ассистентом режиссера на какую-то хрень про вечную любовь на восемьсот серий, но я решила – never again.

Все... Пора выходить на следующий уровень.

Поэтому сейчас у меня ничего нет – ни работы, ни квартиры, ни денег. Вообще ничего. Друзья в шоке, конечно. Я же уехала. Живу теперь у родителей. Пока они на работе – гуляю с собакой, готовлю еду. Много пирогов пеку, – я это обожаю. Жаль, не могу тебя угостить. Ты бы оценил. Мы могли бы вместе с тобой приготовить мегаужин. Ты – индийскую кухню, я – пироги всех форматов. Думаешь, получится когда-нибудь??? Было бы круто...

Теперь я пишу каждый день. Весь день сижу и пишу. Если не гуляю с собакой, не пеку пироги, не читаю и не смотрю кино. Чего только я сейчас не пишу, чувак! Короткие метры. Полные метры. Пилот мистического сериала про конец света... Но – такое дело... Как бы сказать? Чего-то не хватает. Мне. Я это чувствую. Что мне чего-то не хватает. Но я не знаю – чего именно. Еще я реально не понимаю – хорошо я написала или плохо. Не могу это почувствовать. Прочувствовать. Такие дела.

Я читаю учебники по драматургии. «История на миллион долларов» Роберта Макки... Лайош Эгри... И так далее... Сценарии крутые читаю, которые в интернете выложены.

А недавно вот начала читать театральные пьесы. Да. Не смейся. Я знаю, ты в курсе, как я отношусь к театру. Но... Во всех учебниках написано, что пьесы – это основа. Даже если

хочешь писать для кино - надо, типа, начать с театра. С основ драматургии. Изучить там все, а потом, типа, сесть и написать «Историю на миллион».

Не знаю. Я читаю разные пьесы. Классические и современные. О! Перечитала, например, «Чайку» Чехова. Ты ее в сознательном возрасте читал? Она крутая!! Оказывается, она про то, какого это - жить мечтой о себе в искусстве. И еще - о том - что, влюбленные в свое творчество, люди творят друг с другом...

Новые пьесы я тоже читаю. Они мне по-разному. Не знаю, я уверена, что сама я в жизни не напишу пьесу. Театр это, все-таки, совсем другой мир. А мой мир - это кино. Это - пойманная на пленку реальность, которая становится бессмертной и до конца света принадлежит всем людям мира. Что может быть круче этого? Точно - не театр. Там все только - здесь и сейчас. Вот он - спектакль и вот его уже нет и, возможно, не будет больше никогда. И не поймать, не остановить мгновение... К тому же - спектакль никогда не совершенен - в любой момент все может пойти не так. Актриса реплику забудет, актера удар хватит. Среди зрителей какой-нибудь больной на голову найдется. На сцену полезет или еще что. Или там, - с хроническим кашлем на спектакль припрется. Будет во время «Быть или не Быть» легкие себе выкашливать и всё испортит. А фильм, когда он сделан - его уже никто никогда не испортит. Поэтому кино - совершенное искусство. А театр, как бы, - нет.

Кстати, такая тема! Я недавно DVD купила, оно на полке, у кассы в супермаркете стояло. Такое авторское кино, никому не известное. Не знаю, что оно в моем супермаркете, в глуши этой, делало. Наверное, по ошибке туда попало. Меня название зацепило:

«Темный апрель».

Я покупала всякие йогурты и замороженное слоеное тесто для моих пирогов и вдруг увидела коробку и название. А я в апреле родилась, и на душе моей в тот день было темно, и я решила, что точно для меня кино!

Так вот. Оказалось, так и есть! Это реально теперь - один из моих любимых фильмов. Я его за месяц раз пять посмотрела. Посмотри его тоже! Если найдешь. Его снял... Какой-то Борис... забыла фамилию... Я не знаю этого режиссера.

Вот такие у меня новости. Ах, да. Парня у меня сейчас тоже нет. Тот, которого я летом на съемках ток-шоу встретила, - помнишь, ты его видел на фестивале короткометражек? Смазливый такой, на девчонку похож. Факинг дизастер! Хуже романа у меня в жизни не было. Но хочешь прикол? Это даже как-то высвобождает. Типа, после такого мне уже ничего не страшно. Так что - тот, кому суждено прийти в мою жизнь теперь, - пусть приходит.

Я ко всему готова!

P.s. Надеюсь, - у тебя там всё бурлит на личном фронте??? Я всегда тебе говорила, - ты очень клевый и офигенный, и симпатичный; и я правда так думаю, несмотря на то, что я не стала твоей девушкой. Но я рада, что ты не остался на меня в обиде и принял меня, как друга.

P.s.s. Я открыла для себя группу «The Nationals». Слушаю их нон-стоп. Они - улет!

Биг Кисс!

Твоя далекая подруга Лика.

2. БОРИС. 25 августа.

Борис. Я правильно понял? Я сам читаю вопросы и через паузу на них отвечаю? В этом порядке? Куда смотреть? Сюда? Хорошо. Я готов. Я могу начинать. Я начинаю... Меня зовут Борис и я – театральный драматург и режиссёр. Я пишу пьесы, и потом сам их ставлю. Как правило. Иногда мои пьесы ставят другие люди, но я, как правило, ненавижу, что из этого выходит... Шутка. Отчасти... На самом деле – это как отдавать другому любимую, в временное пользование. Тоже шутка. Типа того.

Что такое «Бледные Розы на Темном Фоне»?

Это моя первая пьеса. Я написал ее шестнадцать лет назад. Когда мне было двадцать два. Я тогда понятия не имел, что делаю. Просто сел и написал некий текст, за одни выходные, как в бреду. Потом отоспался и решил, что это и есть бред. Чуть не выкинул всё на... хрен. Потом одумался. Показал преподавателю своему на факультете. Ему понравилось. Он показал пьесу кому-то еще. В итоге, она приняла участие в нескольких конкурсах, и я стал драматургом. Саму пьесу, в итоге, так и не поставили, а я начал работать над другими вещами. Но о пьесе не забыл. Как не забывают о первой девушке... О первом опыте. И вот недавно мне предложили поставить что-то, здесь, в театре. Что-то своё. И я вспомнил о ней. Я понял, - настал момент воскресить мою первую возлюбленную.

Почему такое название?

Почему - «Темные розы на бледном фоне»? Эта история была рождена из импульса. Я увидел образ. Бледное лицо девушки, окруженное темнотой. Такой опасной, таящей в себе что-то страшное, темнотой. Как бледный цветок в заколдованном саду ночью. Я подумал про Алису в стране Чудес, - если бы она застряла там навсегда. Выросла бы там, стала взрослой женщиной. Которая живет в этом саду и не может оттуда выбраться... Я оттолкнулся от этого. Сказал себе – вот мой образ. А теперь надо придумать историю этой девушки. И я вспомнил, как читал статью о селекции роз. О том, как некоторые селекционеры посвящали годы, даже десятилетия, - чтобы создать новый идеальный сорт. И еще была у них такая традиция, давать выведенному сорту имя своей невесты или жены. Прославляя тем самым их красоту. И так ко мне пришел сюжет о селекционере, который десять лет выводит розу, чтобы прославить в веках свою любимую жену, которая всё это время постепенно сходит с ума, - от одиночества. А потом берет самые большие садовые ножницы и... дальше вам надо прийти в театр и увидеть все самим.

Почему мои истории всегда с трагичным финалом?

Почему всегда? Не всегда... Например, пару лет назад я снял фильм. «Темный апрель». Хотя в названии присутствует слово «темный», - там вполне себе обнадеживающий

финал... С нотками оптимизма, я бы сказал. Хотя... Я, знаете ли, начал писать не оттого, что мне так хорошо жилось на этом свете, и я был такой счастливый мальчик, что, на радостях, решил заделаться писателем и драматургом. Я не знаком с людьми, которые решают начать писать, потому что им так весело живется. Если вы таких знаете – рад за вас. Лично я таких не встречал.

Когда состоится премьера моего спектакля?

В ноябре... Двадцатого ноября. Так что приходите. И приводите ваших любимых людей, потому что эта история про любовь. Про такую, которая случается раз в жизни и всё в ней взрывает. Взрывает вас изнутри. Чтобы вы потом подобрали ваши ошметки, взяли их вот так вот, в кучку, - и пошли жить дальше, такими новыми взорванными людьми, которым довелось познать главное в жизни.

Расскажите об актерах, занятых в спектакле.

Я... пока не могу назвать вам имя главной актрисы. Но будьте уверены, она будет прекрасна и справится с этой ролью великолепно. Это будет роль-прорыв. Для этой актрисы... Кем бы она ни была.

Что играет у меня в наушниках?

Песня «Печаль» с нового альбома группы «The National».

Все. Я ответил на все вопросы.

3. Форум сайта «Значение Слов». Обсуждение песни «Печаль» коллектива «The National».

DiscChangeron. Май 10, 2010: «Эта песня про влюбленность в собственную печаль. Мощная песня».

Nothingeverong. Сентябрь 21, 2012: «Я где-то читал, что Мэтт написал эту песню для барабанщика своей группы, который страдал от клинической депрессии всю свою жизнь. Я сам знаю, какого это, и поэтому меня поразило - с какой точностью Мэтт отобразил то, что делает с человеком депрессия. Ты действительно влюбляешься в свою печаль. Она становится щитом, который защищает тебя от реальности. Депрессия проникает во все аспекты жизни своей жертвы. Она затуманивает и искажает все воспоминания и восприятия. Как поется в песне: «Я живу в городе, который построила печаль. Она в моем меде, она в моем молоке». То есть, она везде.

Fog277, Июль 26, 2011: «Не оставляй мое тяжелое сердце в покое, на воде, укутай меня в тряпье и кости своей симпатии» - мои самые любимые строчки в этой песне, и вообще.

Lyrics85, Апрель, 19, 2012 : «Я очень хорошо понимаю строчку: «Печаль – эта девушка в моей пещере». Очевидно, что он оплакивает потерю своей подруги и, возможно, в

конечном итоге - потерю своей женственности. Он не может выразить свою женственную часть, потому что она запрета в пещере его мужественности».

Treaton, Декабрь 28, 2011: Повторяющиеся строчки куплета выражают центральную идею песни: « Я не хочу выздоравливать... Я не хочу выздоравливать».

4. БОРИС. Август, 29. 12:59

Ли́ка,

Спасибо вам за ваше письмо. Я рад, что вам понравился «Темный апрель». Я также рад тому факту, что кто-то вообще его увидел. Он ведь прошел совсем незаметно. Что в принципе, неважно, так как основная сфера моей деятельности - это театр. Судя по вашему письму - вы хорошо разбираетесь в кино. Вы где-то учились? Работали?

А театр вам интересен? Вы в нем разбираетесь так же хорошо, как в кино? Для меня театр - это самое важное. А фильмы и ящик – это для заработка. Я могу спросить сколько вам лет? Судя по фотографии, вы очень красивая. Вы актриса? Вы пишете?

5. Борис. Август, 29. 16:43

В таком случае, у меня к вам вопрос. Точнее – предложение.

Будет ли вам интересно участвовать в театральном проекте? Я ставлю свою первую пьесу, и мне будет нужен ассистент. Спектакль сложно-постановочный и близкий к кино по своей визуальной стилистике. Поэтому я подумал о вас. Вы, с вашим опытом в кино, можете подойти для этой работы. Если, конечно, вам это интересно. По жанру это - психологический триллер. Говоря языком кино. История в духе Теннесси Уильямса, если его скрестить с Дэвидом Линчем. Пьеса называется: «Бледные розы на темном фоне». Если вам интересно, дайте мне знать, и я расскажу все в деталях.

Я очень хорошо вас понимаю, насчет «одноразовых сериалов». Я сам недавно на таком работал. Писал одну из линий. Иногда нужно подзаработать, чтобы иметь возможность вернуться к работе над тем, к чему действительно лежит душа.

6. Борис. Август, 30. 20:24

Вот пьеса. У театра совсем мало денег, но что-то заплатить они, наверное, смогут и, если ты сможешь приехать, я помогу найти место, где бы ты могла остановиться на время репетиций и прогонов. Возможно, это будет у меня. Если ты не против. У меня есть комната для гостей. В ней уже жили люди, которые участвовали в моих прошлых постановках. Иногда это удобно и, таким образом, тебе не надо будет платить за квартиру.

Мне надо идти. Я покупаю новый телефон, а потом иду стричься.

7. Ли́ка. Август, 31. 00:55

Борис. Привет. Спасибо тебе от всего моего сердца, или цитируя твоего героя: «спасибо из подвала моего сердца» за пьесу. Я ее прочитала, не вставая со стула, всю - от начала до конца. Мне очень близки такие истории, - как сценаристу, и вообще. Истории о том, как

жизнь сводит людей, для того, чтобы они прошли вместе через что-то, что изменит их навсегда.

В начале пьесы, когда мы видим первую встречу и разговор, уже тогда я влюбилась в эту историю. Эта такая красивая и полна тревожных предчувствий сцена. Мы прямо чувствуем, вернее - предчувствуем что-то роковое, висящее в воздухе над героями. Как будто во время всего их разговора где-то, на заднем плане - звучит низкая тревожная нота – но эти двое не желают ее слышать. Или наоборот, или совсем наоборот. Они оба слышат ее, но для них она – самая прекрасная музыка.

А в финале первой части, когда Мария уже понимает, во что она ввязалась – это мой самый любимый момент, когда она говорит свой монолог про поезд: «Мне хочется бить себя по щекам, хочется крикнуть себе: «Что ты делаешь? Зачем ты это делаешь?» Но одно я знаю наверняка. Я уже еду в этом поезде. За окном мелькают головокружительные дни, а над ними - слишком яркое небо. И поезд все убыстряет свой ход, и нам с него уже не сойти, ни за что не сойти, пока мы не прибудем туда, куда должны прибыть; на этом поезде, который не делает остановок, кроме той, что в самом конце. Какой она будет – конечная станция? Самый прекрасный сад на земле? Пустое поле, с ветром в холодном небе? А может - еще проще, - на полной скорости, об бетонную стену, бум?! В любом случае, с поезда нам не сойти, и мы с тобой в нем вдвоем и такой любви как наша такой любви как наша такой любви как наша такой любви как наша – в целом мире не найти!»

Так что, мне бы очень хотелось принять участие в постановке этой пьесы.

Я верю, что это будет очень важный и нужный опыт для меня, который я никогда не забуду.

Л.

8. Борис. Сентябрь, 1. 13:27

В идеале, я бы хотел, чтобы ты была здесь семнадцатого сентября, во время первой читки. Чтобы ты приехала за день до нее. Что касается билета на самолет – я смогу помочь тебе с этим, я ведь понимаю, что сейчас ты не работаешь.

Тебе это интересно? Ты уже работала раньше в театре? У тебя есть друзья в городе? Еще, - есть ли у тебя резюме, которые ты могла бы мне прислать?

Счастливого Понедельника!

Б.

9. Лика. Сентябрь, 1. 18:03

Добрый вечер, Борис.

Высылаю тебе резюме.

Ты спрашиваешь меня про мой опыт в театре... Я брала уроки драмы, когда я училась в университете, и там же приняла участие в постановке. Это была пьеса Пристли

«Инспектор пришел». Я там играла Шейлу - дочь семейства, к которому, собственно, и пришел инспектор.

Еще в школе я постоянно участвовала в всяких разных постановках. Кого только я не играла. Падчерицу в «Двенадцати месяцах», Разбойницу в «Снежной Королеве», Председателя Мистического Собрания в «Балаганчике» ... Но я не буду врать тебе о моей работе в театре. Я - человек кино. Я работала на съемочных площадках три года с половиной года, без перерыва, с редкими отсыпными. После этого я решила стать сценаристом.

Я знаю, вернее, я только сейчас поняла, что мне нужно, чего не хватает, для того, чтобы я им стала. Мне необходимо научиться самому важному:

Работе с актером.

Я читала о том, что сценарист должен понимать - как актеры работают над ролью, потому что именно они будут говорить его диалоги, и эти диалоги должны их вдохновлять.

И я честно не вижу лучшей возможности для этого (в моей жизни, в этом мире!), чем возможность наблюдать как кто-то, вроде тебя - сам ставит свою пьесу.

Что касается моих умений, я отлично понимаю - в чем будет заключаться моя работа. И моя миссия. Я вам пригожусь. Я буду очень стараться!

С уважением,

Ли́ка.

10. Борис. Сентябрь, 2. 01:49

Ли́ка,

Работа твоя. Ты мой новый ассистент. Ты меня убедила. Спасибо за твой интерес и желание.

Я с нетерпением жду нашей встречи пятнадцатого сентября.

С уважением,

Борис.

11. Ночные письма. Сентябрь, 2.

Борис. Я хочу попросить прощения за слишком официальный тон двух моих предыдущих писем. Вчера был странный день.

Знаешь, – ты первый человек, с которым у меня переписка в фейсбуке.

Я несколько недель назад собирался из него уходить.

Ли́ка. А я годами отказывалась приходить на фейсбук. Я была против, друзья меня просили, а я кричала – никогда! Никогда не впрягусь я в этот эксгибиционизм! Но потом я отовсюду уехала и сидела у родителей, и все от меня стали так далеко... Вот я и решила. Почему нет? Теперь мне кажется, что фейсбук может менять жизнь. В хорошую сторону. Так что теперь я люблю фейсбук. Без него я бы никогда не смогла тебе написать.

Борис. Я пришел сюда по ошибке. Мне прислали приглашение. Кто-то из театра. и я подумал, что это какой-то театральный форум. Когда понял, что это не так, было уже поздно. Да. Я думаю, что тоже рад, что не удалил тогда мой аккаунт.

Уже поздно. Тебе надо поспать. Спокойной ночи, Ли́ка.

Б.

12. Еще письма. Сентябрь, 3 – Сентябрь, 10.

Борис. Здесь сейчас дождь. А у тебя? В такую погоду я люблю читать. И писать. Наверное, для меня нет ничего лучше этого. Когда за окном дождь, а я читаю или пишу.

Ли́ка. Я каждую осень перечитываю «Охоту на овец». Уже девять лет подряд. Когда я ее читаю, мне хочется есть только ту еду, которую там ест главный герой. Всякие странные салаты и сэндвичи. Еще хочется пить пиво и курить... А когда я дочитываю до кульминации, каждый раз, когда дохожу до места, где герой встречается с Человеком-Овцой, всегда так удивляюсь, - будто каждый раз этот момент застает меня врасплох. Будто я не знала, что отгадка будет именно такая... Наверное, поэтому, - это моя самая любимая книга... Вместе с «Лолитой». А у тебя какая?

Борис. Их много. Их очень много. Сэлинджер, Достоевский. Фолкнер, Делилло. Если я не пишу, то читаю. Все время. Если я не в театре и не на тренировке... Я просто не знаю, что еще мне делать со своим временем...

Ли́ка. А какую музыку ты любишь?

Борис. Я слушаю «The National», «Interpol», Ника Кейва, Пи Джей Харви, Тома Уэйтса, Леонарда Коэна...

Ли́ка. Вот это да! Я слушаю то же самое, когда у меня определенное настроение.

Борис. А у меня, выходит, это настроение всегда.

.....

Борис. Нет. Я не женат. Никогда не был. Возможно, когда-нибудь это случится. Если я встречу человека, с которым захочу это сделать. У меня нет детей. Когда-нибудь,

наверное, они у меня будут. Я не был счастливым ребенком. Наверное, пока что это меня и останавливало.

.....

Борис. Ты жила в других странах? Я жил в Италии какое-то время. Пробовал учить язык. Я меня ничего не вышло. Иногда мне снятся сны, в которых люди говорят со мной на итальянском, а я не понимаю ни слова.

Как давно ты живешь у родителей? Извини, я много вопросов задаю ...

Я все еще удивлен, что ты нашла мой фильм в супермаркете, в твоём городе. Мой «глубокий артхаус», - как его обозвали. На кассе, возле жвачек и презервативов...

.....

Борис. Для меня Италия была серой и мрачной. Уж больно одиноким я там себя ощущал. Я поехал туда на все лето, после того как мама умерла. Сейчас, когда я смотрю на снимки того времени, я вижу много солнца, много красок. Меня это удивляет. Я совсем не так запомнил то время.

.....

Ли́ка. Я читаю твои пьесы. Спасибо, что ты мне их всех выслал. И спасибо за твой роман. Ты такой молодой и уже столько всего успел сделать! На твоём месте я бы так собой гордилась!

.....

Ли́ка. У меня такое странное чувство. Мне кажется, что у тебя идеальная жизнь. Ты живешь своим творчеством. Ты всю свою жизнь вкладываешь в свое творчество. Когда я думаю, как много ты сделал уже в моем возрасте – мне хочется плакать... Я так хотела бы быть - как ты. Стать, как ты – настоящим творцом. Я так рада, что решилась написать тебе письмо. Просто не представляю теперь, что было бы, если бы я не решилась. Моя жизнь продолжила бы идти своим тихим ходом, и я никогда бы не узнала тебя, и у меня никогда не появился бы такой друг, как ты. Теперь мне сложно представить такую жизнь. Почти невозможно. Наверное, судьба, все-таки, существует и если люди должны встретиться – они встретятся, - какой бы странной не была эта встреча. Вот как у нас, например.

.....

Борис. Ты левша или правша?

Ли́ка. Левша.

Борис. А ногой тоже левша?

Ли́ка. Как это? А бывает левши ногой?

Борис. Ну да.

Ли́ка. А как узнать?

Борис. Надо встать и представить, что ты пинаешь мяч ногой.

Ли́ка. Я сейчас это сделаю.

Борис. И как? Какой ногой пнула?

Ли́ка. Правой.

Борис. Значит, ногами ты - правша.

Ли́ка. Вот как. Это странно.

Борис. Да. Судя по всему, ты - сложная женщина... Я вот - сложный мужчина.

Ли́ка. Я уже поняла))))))))))

.....

Ли́ка. Когда ты любишь писать – в какое время суток? Я знаю, многие пишут ночами. Я вот не могу. Плохо это или хорошо, но ровно в полночь голова моя превращается в тыкву. И все. Больше писать не могу. Я слышала мнение - не знаю, согласишься ли ты с ним... Что не стоит доверять словам, написанным поздно ночью. Ты согласен с этим? Или нет?

Борис. Я пишу много всего сейчас. Я чувствую, что это один из тех моментов, когда история будто пишется сама. У меня нет выбора, я не могу не писать ее сейчас, когда она здесь, во мне и пишется сама. Это чувство, будто я соединен с историей, подключен к ней. Заперт с ней в одной комнате. Не могу из комнаты выйти, пока ее не напишу. Мои пьесы часто называют «темными» - потому что я, именно что доверяю тому, что пишу глубокой ночью. Но я бы не стал доверять всему, что говорю глубокой ночью... Или тому, что я говорю во сне.

Ли́ка. Ты говоришь во сне?

Борис. Иногда.

Ли́ка. Я никогда не говорю во сне. Сплю, как убитая.

Борис. Когда я был маленький, - я ходил во сне. Мама мне рассказывала. Мне было десять. В год, когда отец от нас ушел. И я вставал, и брел на кухню, к холодильнику, делал там бутерброды с маслом и вареньем, во сне, а потом прилеплял их к обоям на стене. На радость маме.

Ли́ка. Ой, ну надо же! А моя подруга как-то провела ночь с одним парнем, они были за городом, на чьей-то даче, - я клянусь, это не я была, а моя подруга, - и она рассказывала, что среди ночи, этот парень вдруг начал кричать во сне, громко кричать: «Осторожно! Кошки! Они окружили дом! Они едят людей!»

Борис. Я только что улыбнулся.

Ли́ка. А другая моя подруга. Это тоже не я. Мы с ней в поезде вместе ехали на море. И она утром стала во сне причитать: «Мама, мама, зачем ты так, не надо, мама, мама...». Было неловко. Все купе на нее вытаращились, и мне пришлось ее быстро разбудить... Сама я рада, что сплю, как убитая. Мне повезло, что никто не сможет так просто узнать мои секреты.

Борис. Это правда. Тебе повезло.

.....

Ли́ка. Я теперь смотрю и читаю всё про театр. Вчера посмотрела онлайн документальный фильм. «Потеря безымянных вещей». Ты видел его? Там про одного очень талантливого театрального режиссера, который однажды упал с моста, ударился головой и потерял весь свой талант. Это реальная история. Такая печальная. Я раньше думала: ну и пофиг, что у меня ничего нет, зато у меня есть мой талант. Но даже его, получается, можно вот так, разом, потерять... Пожалуйста, пришли мне то, что ты сейчас пишешь. Ты недавно написал, что хочешь прислать мне то, что ты сейчас пишешь.

.....

Борис. Ли́ка, Я только сейчас вернулся домой. Я был на тренировке, потом на премьере друзей. Я буквально засыпаю на ходу, но я хочу сказать тебе – спасибо. Ты особенная. Я рад, что я знаю тебя. Спасибо за то, что ты так внимательно прочла новый драфт и за твои комментарии. Это много для меня значит. Я напишу тебе подробнее, после того, как проснусь.

.....

Борис. Ты украсила мое утро, Ли́ка. Я рад, что тебе больше нравится новый драфт. Я подумаю о той сцене с мальчиком и его мертвой матерью. Наверное, ты права, и это перебор. Наверное, лучше показать его одного, чтобы он держал в руках какую-то вещь, что осталась после нее... Что-то в этом роде... Я впечатлен тем, как умело ты формулируешь свои мысли. Мне надо ехать на встречу с декоратором «Бледных роз». До этого надо выгулять собаку. На улице дождь, но собаку это не остановит. Завтра у меня work-shop, - я там буду делать режиссерский эскиз «Хрупких костей», - моей монопьесы, которую ты читала. Я не выспался, хочется спать дальше и слушать дождь за окном, но не получится. Как же хорошо начать день с письма от тебя. Еще раз спасибо.

Я все время думаю о твоём голосе... Какой он?

Б.

13. Звонок. Сентябрь, 11. 09:43.

Борис. Алло?

Ли́ка. Алло...

Борис. Ли́ка?

Ли́ка. Это я. Привет!

Борис. Привет. Я тебя не разбудил?

Ли́ка. Нет-нет! Я ждала твоего звонка!

Борис. Ты обычно рано встаешь?

Ли́ка. Да как бы нет... Если честно. Я ночами обычно фильмы смотрю. Ты тоже не ложишься рано?

Борис. Да. Но я стараюсь не делать этого слишком часто. Я с утра тренируюсь и поэтому, вроде как, соблюдаю график. Распорядок дня... Я очень скучный.

Ли́ка. Да ты что? Это же прекрасно! Соблюдать распорядок дня. Я вот обычно не соблюдаю его... Раньше, то есть, не соблюдала. Когда жила в городе. А сейчас, когда я тут, я вдруг тоже стала жить по распорядку... Боря?

Борис. Ли́ка, я... Что?

Ли́ка. Я хотела... Я тебя слушаю! Что ты хотел сказать?

Борис. Спасибо, что согласилась поговорить со мной по телефону.

Ли́ка. Я рада, что ты это предложил. Я очень хотела, чтобы ты это предложил.

Борис. Мне захотелось услышать твой голос. Я всё пытался себе его представить. Мы пишем друг другу много писем каждый день, а твой голос я так до сих пор не слышал и...

Ли́ка. И как?

Борис. У тебя очень... умный голос.

Ли́ка. Это.. Я даже не знаю... Надеюсь, это комплимент.

Борис. Конечно... Это комплимент... Прости, я вчера немного выпил.

А ты выпиваешь?

Ли́ка. Да как бы нет. Могу бокал вина выпить. Или там коктейль с зонтиком.

Борис. Я пью красное вино. В основном. Иногда виски. И пиво. Водку я не пью. Почти. Раньше пил, а теперь у меня тренировки. Ты занимаешься спортом?

Ли́ка. Ну, я делаю комплекс упражнений из йоги. По утрам. Иногда по утрам и вечерам. Вот, как бы, и всё.

Борис. Йога - хорошее дело... Я слышал... У тебя есть жених или парень?

Ли́ка. Нет.

Борис. А муж?

Ли́ка. Конечно, нет. Я бы тебе сказала.

Борис. И замужем ты не была? Детей у тебя нет?

Ли́ка. У меня пять детей. И три развода. Шучу. Я бы тебе сказала, если бы у меня были дети!

Борис. Я боялся, что у тебя кто-то есть. Я рад, что это не так. Хоть я и удивлен этому.

Пауза.

Ли́ка. А... у тебя... есть? Жена или... дети?

Борис. Ли́ка. Я должен тебе сказать. Кое-что.

Ли́ка. Да?

Борис. Я должен объяснить... Тебе... Чтобы ты понимала, что происходит. Чтобы, - когда ты приедешь, ты понимала ситуацию... Если ты приедешь... Если согласишься... После того, что я тебе скажу... Ты здесь?

Ли́ка. Да. Я здесь. Я слушаю.

Борис. А... Кое-что случилось. До того, как ты написала мне в первый раз... Перед тем... За неделю до этого я расстался со своей девушкой. Мы с ней были вместе четыре года. У нас было много проблем. Всё очень сложно было между нами. И мы поссорились. Точнее, она со мной поссорилась. И ушла. Собрала вещи и уехала. Ты меня слышишь?

Ли́ка. Да. Я все слышу.

Борис. Я думал тогда, что это конец. Понимаешь? Я думал, - между нами все кончено. Мы больше не будем вместе. И мне было, ну... это было тяжело. Это были тяжелые дни для меня. И... И тогда ты мне написала. И я сразу что-то к тебе почувствовал. У меня

такого раньше не было. Не было такого, чтобы я, не встретив даже человека, вот так увлекся... Я увидел твое лицо на фотографии. Ты напомнила мне об одной девушке.

Ли́ка. О какой?

Борис. Я придумал эту девушку. Ее не существует в реальности. Точнее, я так раньше думал. Ты похожа на Кристину из моего романа. Очень.

Ли́ка. На Кристину из «Сравним наши печали»??

Борис. Да. Когда я писал эту книгу, я видел твое лицо. Задолго до того, как ты мне написала. У тебя на странице есть фото, где какие-то съемки идут, и ты сидишь за столом, в ресторане. Вроде, играешь роль.

Ли́ка. А... Это мы снимали короткометражку. С друзьями. Надо было, типа, снять трейлер к несуществующему фильму. И я там играла.

Борис. Когда я писал мой роман, я думал о девушке, которую никогда не встречал, но которую хотел бы встретить. А теперь - ты в моей жизни. И очень плотно, я бы сказал... Я постоянно думаю о том, что ты делаешь, что читаешь, какую музыку слушаешь... Я думаю о нашей переписке. Вчера я обедал в ресторане, рядом с домом, я там часто обедаю. Я сидел с книгой, перечитывал «Чайку», потому что ты мне о ней написала, и я пошел, нашел ее на полке и решил перечитать... И я услышал песню. И подумал о тебе. Я подумал о том, что мы с тобой так похожи. Это так странно. У нас столько общего. Нам нравятся одни и те же вещи. И я решил, что должен тебе сказать, что... Алло?

Ли́ка. Да. Я тут. Алло.

Борис. Я должен сказать тебе, что три дня назад она вернулась. Моя девушка. Вернулась.

Ли́ка. А...

Борис. И теперь все стало еще более странным.

Ли́ка. М-м...

Борис. Все усложняется тем, что это она должна была играть Марию. Она актриса. Моя девушка. И теперь, когда она вернулась... В общем, она будет играть Марию. Потому что, она должна была ее играть. С самого начала у нас была такая договоренность. В случае, если пьеса будет поставлена.

Ли́ка. Я правильно понимаю? Ты не хочешь больше, чтобы я была твоим ассистентом?

Борис. Я очень этого хочу. Я хочу работать с тобой, хочу, чтобы ты приехала. Я должен увидеть тебя. Я не могу терять тебя вот так. Я понял, что я не могу вот так тебя отпустить. Мы должны оба понять - для чего мы встретились, почему. Мы не имеем права вот так взять и все остановить. Некоторые вещи не остановить – их надо прожить до того момента, когда... Их надо прожить. Ты понимаешь меня? Ли́ка?

Ли́ка. Так твоя девушка - актриса? Она известная? Как ее зовут?

Борис. Ее зовут Нина, и она не известная. Поэтому это так важно, чтобы она сыграла эту роль. Для ее карьеры. Чтобы она уже двинулась куда-то. Потому что наши с ней личные проблемы - это одно, а спектакль – это другое. И я не планирую смешивать это. Потому что... Эта постановка много значит - для меня и для нее... В общем - спектакль должен состояться.

Ли́ка. А она... А Нина знает о... нашей переписке?

Борис. Нет. Она ничего не знает... Я пойму, если ты сейчас меня пошлешь и положишь трубку и никогда больше мне не позвонишь и не напишешь. Потому что, возможно, ты будешь права, если ты так сделаешь.

Ли́ка. Ты хочешь, чтобы я так сделала?

Борис. Конечно, нет.

Ли́ка. Я могу тебя спросить?

Борис. Обо всем. Ты можешь меня спросить обо всем.

Ли́ка. Вы живете вместе?

Борис. Да.

Ли́ка. Это значит, что я... не смогу...

Борис. Я найду для тебя место. Это я обещаю. Я знаю кучу людей, которые помогут найти для тебя хорошую квартиру или комнату. Про это даже не волнуйся. Я беру все это на себя.

Ли́ка. Ты хочешь быть с ней?

Борис. Пока ее не было, многое изменилось. И теперь я совсем не рад ее видеть. Я не был ни в чем виноват, а она во всем меня обвинила. И ушла. Это было ее решением - уйти. Прекратить все. А теперь она вернулась... Но я понимаю, что смогу расстаться с ней только после того, как спектакль будет готов. Я смогу расстаться с ней только после премьеры... Эта такая ситуация, когда приходится кое-чем жертвовать, ради того, чтобы спектакль состоялся. Иногда приходится идти на такое. Жертвовать, откладывая что-то. Чтобы все получилось, как надо, как должно быть, как ты это задумал. Когда ты станешь сценаристом и режиссером - ты меня поймешь. Но мне надо, чтобы ты поняла меня сейчас, хотя я знаю, как это непросто... Ли́ка, поверь мне, у меня никогда такого не было. Я не знаю, что мне делать. Скажи что-нибудь. Я не знаю, что мне делать.

Ли́ка. Боря.

Борис. Да?

Ли́ка. Я хочу быть твоим ассистентом на спектакле. Я очень этого хочу.

Борис. Спасибо тебе. Прости. Все будет хорошо. У нас все получится. У меня чувство, как предвидение, что мы все правильно делаем.

Ли́ка. Хорошо, раз так.

Борис. В конце концов, это отличная возможность для тебя и твоей карьеры. Не будем забывать, что это работа. И я нанимаю тебя, как и всех остальных людей, которые будут участвовать в работе над постановкой.

Ли́ка. Да. Это редкая возможность... для меня. Спасибо, что ты все еще хочешь, чтобы я приехала. Больше всего я боюсь ситуации, где я не понимаю, что я навязываюсь... людям, которые меня не... желают.

Борис. Тебе не о чем волноваться. Ты желанна.

Пауза.

Борис. Мне надо идти. Я рад, что обо всем с тобой поговорил.

До скорого, Ли́ка.

Ли́ка. До скорого, Боря... Боря? А какая там песня была? В ресторане?

Борис. «Ужасная любовь».

Ли́ка. А...

Noisejuton, 4 августа, 2011 : «Словосочетание «ужасная любовь» отсылает к эмоциям человека, охваченного страстью и очень сильно влюбленного, они описывают тяжесть его страха и тревоги из-за того, что теперь в его жизни кто-то есть. «Пауки» – отсылка к ползучим и колючим чувствам, к страху оказаться в паутине, страху пропасть. «Входить» - означает что, тем не менее, он берет на себя эти обязательства, несмотря на вышеуказанные страхи. «Тихая кампания» – про то, что эти чувства невозможно выразить вслух, но они живут в тебе, и уходить никуда не собираются, и будущее от этого очень зыбко. «Нужен океан, чтобы не сломаться» , - значение этой строчки мне кажется очевидным. Ему нужен океан алкоголя, чтобы не сломаться. «Кроличья нора» – отсылка к «Алисе в стране Чудес». Она описывает чувство растерянности от странного нового мира, в котором оказываешься, когда влюбляешься в кого-то нового.

Говоря «ты», Мэтт обращается к своей будущей жене. Он видит, что у нее – такой же страх и тревога, как и у него, и он хочет быть сильным для нее, помочь ей так, как она ему помогает. В итоге Мэтт молча делает вывод, что не хочет все испортить и хочется стать хорошим мужем и отцом.

Hiway61, 8-ое декабря, 2012: «Не так давно я пережил отношения с некой личностью, которая на проверку оказалась клинической психопаткой, поэтому для меня песня идеально описывает эту форму саморазрушения. После первого порыва, подобные отношения всегда превращаются в «ужасную любовь». Ты тусуешься с монстрами, с пауками, - любой мерзкий образ подходит. И эта «тихая компания», потому что ты сомневаешься в собственном восприятии и не можешь это даже ни с кем обсудить. Тревога в тебя растет, и ты реально не можешь заснуть без «небольшой помощи». «Нужен океан, чтобы не сломаться», - в данном случае вероятно - океан вина, как предположили здесь выше.

И, наконец, осознание серьезности положения. Ты не можешь дальше падать в эту кроличью нору злоключений, ведущих к безумию. Ты видишь кости другого человека, то есть - видишь, какой он на самом деле, и все становится очевидным.

Конечно, этот трек может означать много разных вещей для разных людей. Думаю, в этом и заключается крутизна хороших песен.

15. Первая встреча, Сентябрь 15.

Ли́ка. Я... Я думала - это будет так странно. Увидеть тебя по-настоящему. А сейчас я чувствую, что это вообще не странно, а наоборот - очень естественно. Я чувствую, что - это очень правильно и естественно и, само собой разумеется, что я вижу тебя вживую.

Борис. Да. Я тоже это чувствую.

Ли́ка. Когда я зашла в гостиницу, с чемоданом, я еще голову не подняла, но сразу почувствовала, что ты там. Справа от ресепшен сидишь и смотришь на меня.

Борис. Да... Как ты? Устала с дороги? Может, ты не хотела никуда идти? Хотела в номере отдохнуть?

Ли́ка. Что ты? Я с тобой хочу... Побывать.

Борис. Я так рад, что ты приехала. Хочешь есть? Бокал вина, может?

Ли́ка. Да. Я буду вино.

Борис. Я тоже.

Ли́ка. Ты любишь красное вино. Я знаю.

Борис. За что его не любить?

Ли́ка. Я уже так много про тебя знаю. Я тебя очень хорошо успела изучить. Я прочла восемь твоих пьес и начала читать твой роман. А еще интервью. Напечатанные и по радио. Их в интернете можно слушать.

Борис. Боже, надеюсь, тебе не очень скучно было все это читать и слушать.

Ли́ка. Шутишь! Сам же знаешь, - никто не назовет «скучным» то, что ты делаешь.

Борис. Это да. Мой эпитет, скорее – «скандальный». И еще - «эпатажный».

Ли́ка. Как ты к этому относишься, что тебя так называют? Тебя это бесит?

Борис. Еще как. Они, по сути, считают, что я нахожу себя недостаточно талантливым, что бы просто писать хорошие пьесы и ставить крутые спектакли и поэтому я из кожи вон лезу, чтобы придумать что-то «скандальное» и «эпатажное». Что это, вообще, значит? Они думают, я это делаю намеренно, давлею это из себя как-то... Искусственно вношу в мои истории скандал и эпатаж, полкило на акт? Все, что я делаю, это все, что любой автор обязан делать - рассказывать историю -

Ли́ка. - максимально честно! Я с тобой так согласна. Многие просто не могут жить без ярлыков. Без них им страшно. Жизнь становится слишком сложной для их понимания. Когда нет ярлыков.

Борис. Я очень рад, что тебе нравится то, что я делаю. Я не помню, говорил я тебе «спасибо» за все твои отзывы?

Ли́ка. Ты говорил.

Борис. Мне важно было знать, что ты меня понимаешь. Что мы понимаем друг друга, - как два пишущих человека.

Ли́ка. Мне кажется, мы очень даже понимаем.

Борис. Вот как, значит, - ты приехала, и я тебя вижу.

Ли́ка. Я такая же, как ты ожидал?

Борис. Ты похожа на свои фотографии... И на мою Кристину из романа. Я тебе это уже говорил... Но теперь, когда я тебя еще и вижу - вот так, перед собой, это сходство поражает еще больше. Почти пугает.

Ли́ка. Боря... Ты знаешь. Твоя Кристина. Она такая... чудесная. И прекрасная. Почти, как ангел. А я... Я не знаю, всегда ли я такая... чудесная и прекрасная. Вернее, я точно знаю, что нет. И я, как бы, точно не ангел... Что ты улыбаешься?

Борис. Ты такая...

Ли́ка. Какая?

Борис. Черт... Вот это да! Не может быть!

Ли́ка. Что такое??

Борис. Афиша! Над барной стойкой! Видишь? Старая афиша!

Ли́ка. «Погребенное дитя»?

Борис. Я видел эту постановку. Именно ее! Именно после нее я и решил стать драматургом. После того, как этот спектакль увидел. До этого я думал, театр - это там, где в париках играют Мольера и поют «Фигаро».

Ли́ка. А про что пьеса? Про что «Погребенное дитя»?

Борис. О... Она - про семейные связи, про насилие в семье. Про безумие. Про темные секреты. Про то, что семья – это ад.

Ли́ка. Я хочу ее почитать.

Борис. Я подарю тебе книгу.

Ли́ка. Спасибо.

Борис. Завтра - первая читка. Ты волнуешься? Не волнуйся. Все будет хорошо.

Ли́ка. Я не волнуюсь.

Борис. Зато я волнуюсь. Я сегодня ночью не мог уснуть.

Ли́ка. Почему? Это из-за меня?

Борис. Нет. То есть. Да. Отчасти. Но вообще я всегда волнуюсь перед читкой. Это важный момент. Ты была на читках? В кино их тоже делают.

Ли́ка. Да. Я знаю. Но я не была.

Борис. Их делают для того, чтобы все познакомились, и чтобы каждый почувствовал, что он - часть будущей постановки. Что мы сейчас на время становимся одной большой семьей... Театральной.

Ли́ка. Ох. Теперь я тоже волнуюсь.

Борис. Главное, чтобы Нина ни о чем не догадалась.

Ли́ка. Как у вас... Как у тебя с ней?

Борис. А... Не хочу об этом. Ничего хорошего. Я хочу с тобой говорить о чем угодно, только не об этом. Потому что это скучно и грустно... Я готов хоть семь часов подряд с тобой говорить. Только у меня еще две встречи - с директором театра, потом еще с журналистом. А вечером я иду на концерт. Знаешь, на какой?

Ли́ка. Нет... Нет! Не может быть!

Борис. У меня есть билет для тебя.

Ли́ка. Нет... Не может быть!

Борис. У меня плюс один. И я знаю, что Нина не планировала идти... И вообще – The National – это наша с тобой группа. Ведь так?

Ли́ка. О, да! Да...

Борис. Поэтому, я хочу, чтобы ты пошла со мной. Это будет небольшой акустический концерт, в одном клубе, в центре... Я пришлю адрес.

Ли́ка. Боже, я поверить не могу...

Борис. Я могу тебя попросить кое о чем?

Ли́ка. Да. Конечно.

Борис. Только не удивляйся... Ты, наверное, удивишься... Я сегодня полночи не спал. И на тренировку рано встал. И это значит, если я сейчас не посплю, - весь день, считай, в унитаза спущу. На концерте носом клевать буду.

Ли́ка. И ты хочешь... Ты хочешь... поспать? Сейчас?

Борис. Да. В твоём номере. Где-то час, не больше. Если ты не против.

Ли́ка. Я против, чтобы ты куда-то уходил. Побудь со мной еще немного. Можно, и спящим. Я совсем не против.

Борис. Ты только не думай, что это такой завлекательный маневр, чтобы оказаться у тебя в номере.

Ли́ка. Я и не думала...

Борис. Я бы тогда что-нибудь получше придумал.

Ли́ка. Да... Наверное... А я могу побыть с тобой в номере, - пока ты будешь спать? Я могу тихо посидеть там, рядом, - и книжку почитать... Твой роман, например.

Борис. Разумеется. Я не планировал выставлять тебя из твоего же номера.

Ли́ка. Ну, это же ты за него платил. Так что я считаю, ты можешь и не спрашивать, если захочешь в него зайти... Или поспать в нем. Или...

Борис. Я рад, что мы теперь в одном городе.

Ли́ка. Я тоже. Это волшебно. Я как будто под кайфом. Голова аж кружится.

16. В номере.

Борис. Нормальная вроде комната. Тебе нравится? Тебе удобно здесь?

Ли́ка. Мне очень нравится. Очень удобно.

Борис. Это до конца недели, ты знаешь, а потом ты сможешь въехать к нашему декоратору Ане. Отель - это временное неудобство.

Ли́ка. А я люблю отели. Жила бы в них годами. Но я рада, что я смогу пожить у декоратора Ани.

Борис. Я поставлю будильник, чтобы он зазвенел через сорок пять минут.

Ли́ка. Я сама тебя могу разбудить. Через сорок пять минут. Хочешь?

Борис. Ладно. Спасибо.

Ли́ка. А можно я... Я хотела спросить... А можно, я рядом с тобой посижу на кровати? С книгой?

Борис. Конечно. Более того. Я настаиваю.

17. В номере. Часть 2.

Ли́ка (читает): «...Дни с Кристиной будто сделаны из другого материала. Ярче. Звонче. Мои звонкие дни с Кристиной. Мои ночи с Кристиной черничного цвета; глубокие и теплые - как ее глаза. Волосы Кристины - легкий туман духов, влажность осеннего ветра. Молочный день. Нежданный дождь в парке. Мы здесь с Кристиной одни. Под дождем я целую тебя долго, долго. Мы оба промокаем насквозь. Тебя это смешит. Джинсовая куртка, старые кеды. В кеды набралась вода. Я несу тебя до дома под дождем, до самого дома под проливным дождем, а ты смеешься и повторяешь: «Какой смысл? Я все равно вся промокла!». Моя Кристина. Дни, с тобой так совершенны, так прозрачны. Не кантовать! Но как бы я ни старался, мне никак не удавалось избавиться от ядовитой тревоги, что поселилась в моих предрассветных мыслях; пока Кристина спокойно спала рядом, положила мне на сердце бледную руку с тонким запястьем. Я лежал и думал о том, - как нам с ней пережить то, что приходит следом за счастьем, что всегда приходит следом за счастьем, - приходит ко мне всю мою жизнь...»

Борис. Что ты делаешь? Не надо...

Ли́ка. Боря... Боря!

Борис. Ох, ты... Черт. Ну, ничего себе. Вот так дела.

Ли́ка. Что такое?

Борис. Мне сон приснился... Я был в машине, с моей мамой. Мы куда-то мчались, мы спорили с ней и ругались. Выхватывали друг у друга руль. И наша машина улетела куда-то на обочину, в овраг... Надо же. Она мне так редко снится. Моя мать.

Ли́ка. Ты расстроился?

Борис. Нет. Удивился... Что она приснилась мне здесь, в этой комнате, когда ты рядом со мной. И когда мы сейчас были в ресторане, где я увидел ту афишу... И ты тоже была рядом... Кто ты для меня? В моей жизни? За что мне ты - за какие заслуги? Мне будто

подарок сделали. Я чувствую себя таким везучим. Я редко чувствую себя везучим. Обычно наоборот.

Ли́ка. Ты говоришь, как пишешь. Мне так нравится, как ты пишешь и как говоришь. Можно, я лягу рядом с тобой?

Борис. Иди... Иди сюда... Ты так приятно пахнешь. Какими-то цветами.

Ли́ка. А ты совсем ничем не пахнешь.

Борис. По крайней мере, - не воняю, это хорошо.

Ли́ка. Я читала, что когда женщина не может различить запах у мужчины - это значит, что они, как бы сказать, из одного генетического материала сделаны. Что они похожи... Но не как родственники, а по-другому.

Борис. Как родственные души?

Ли́ка. Наверное. Может, они встречались в прошлых жизнях.

Борис. Ты в это веришь? В реинкарнацию?

Ли́ка. Я во все верю.

Борис. И в бога?

Ли́ка. Да.

Борис. Везет. Я не верю. Если бог есть, это значит, что он крайне жестокая сущность.

Ли́ка. Нет. Он просто дает нам полную свободу, - чтобы мы жили, как хотели. Вся жестокость – от самих людей. Как и вся любовь. И все остальное... У тебя красивый подбородок. Тебе это говорили? И волосы. И брови. И глаза. Мне так нравятся твои волосы. Они такие мягкие. Я хочу их трогать и трогать.

Борис. Скоро они поседеют.

Ли́ка. Почему ты так говоришь? Не скоро... Даже, если и поседеют...

Борис. Я тебя не поранил своей щетиной? Извини... Я не успел побриться.

Ли́ка. Все в порядке. Даже если б и поранил...

Борис. Ты - опасная женщина... Опасная... Ты - красивая и опасная... Ли́ка...

Ли́ка. Что?

Борис. Ли́ка.

Ли́ка. Да?

Борис. Давай подождем. Когда всё утрясется со спектаклем... и в моей жизни. Дождемся момента, когда нам не надо будет делать это тайком в отеле. Понимаешь?

Ли́ка. М-м... Да.

Борис. Дождемся момента, когда я буду полностью свободный. Чтобы быть с тобой по-настоящему. Понимаешь?

Ли́ка. Да... М-м.

Борис. Ты сможешь меня пождать?

Ли́ка. Я двадцать восемь лет тебя ждала. Могу еще немного подождать.

Борис. Спасибо. Спасибо, что понимаешь меня. Что не давишь на меня... О чем ты сейчас думаешь?

Ли́ка. Это как в песне The Nationals. Помнишь? Они поют: «Ты знаешь, мне снились сны о тебе, двадцать девять лет, перед тем, как я тебя встретил. Ты знаешь, я скучал по тебе двадцать девять лет». Когда я ее слушаю, я думаю о тебе.

Борис. А я думаю о тебе. Мне надо идти. Увидимся вечером, на концерте. Я пришлю адрес.

1. Вечер перед премьерой. Ноября, 19.

Борис. Привет. Что случилось? Я ничего не понял из твоего письма.

Ли́ка. Я испугалась, что это она подняла трубку.

Борис. Кто?

Ли́ка. Она.

Борис. Когда?

Ли́ка. Когда я тебе перезванивала. Там был женский голос. Я испугалась и бросила трубку.

Борис. Подожди. Куда ты звонила?

Ли́ка. На твой телефон.

Борис. Со своего?

Ли́ка. Нет, с домашнего. Который здесь.

Борис. Я не получал таких звонков.

Ли́ка. А вдруг она...

Борис. Ли́ка. Все в порядке. Ты явно ошиблась номером и позвонила кому-то другому.

Ли́ка. Ты думаешь?

Борис. Я тебя умоляю. Если бы Нина ответила на звонок и услышала твой голос, я бы первый об этом узнал. С ее-то паранойей насчет тебя.

Ли́ка. Ох, а я испугалась... И у меня опять начали чесаться руки.

Борис. Чесаться руки?

Ли́ка. У меня что-то с руками, с тех пор как я сюда приехала. Типа экземы. Я купила крем.

Борис. Тебе надо перестать так беспокоиться и переживать. Все будет хорошо. Мы сделали это. Завтра - премьера. Невероятно, но факт. Хотя сама постановка не самая замороченная, но мне она далась, реально, сложнее всего, что я когда-либо ставил. Помимо всей этой ситуации с Ниной, мне всю дорогу мотали нервы мои прекрасные актеры. Никита со своими капризами и звонками в ночи - поговорить про «зерно роли». Илья, который пропал на два дня...

Ли́ка. Я так испугалась. Я думала – он умер.

Борис. Я тоже так думал. И я, кстати, не верю в историю с ограблением.

Ли́ка. Нет?

Борис. Илья - хороший актер. Он очень смелый актер. Я уверен, что он решил поэкспериментировать. Как его герой... Войти в особые состояния, если понимаешь, - о чем я.

Ли́ка. Ты думаешь? Он тебе это сказал?

Борис. Ему не надо мне говорить, я и так знаю. Я знаю актеров. Я живу с ними уже десять лет – буквально и фигурально.

Ли́ка. А вот Влад...

Борис. Ой. Не обращай на него внимания, это он временно стал козлом, чтобы из образа не выпасть. Они так иногда делают.

Ли́ка. Он, и правда, стал козлом...

Борис. Не обращай внимания, - пройдет после премьеры. В любом случае, всех их переплюнула моя Нина. Сначала на репетициях, потом дома каждый вечер. Допросы с пристрастием: Кто Ли́ка? Откуда Ли́ка? Зачем Ли́ка? Что у тебя с Ликой?.. Хотя, это я сам, конечно, виноват. Что забыл тебя тогда предупредить откуда мы с тобой знакомы.

Ли́ка. Через Макара Балдастова. Теперь я знаю.

Борис. Я сам виноват. Макара предупредил, а тебе сказать забыл. В те дни у меня голова была набекрень. Да ты, наверное, сама помнишь.

Ли́ка. Я помню. Я очень хорошо помню. Как ты в коридоре остановился у стены и ждал лифта, которого там не было.

Борис. Это из-за тебя. Я на тебя отвлекся.

Ли́ка. И на улице, когда мы улицу с тобой переходили, ты машин не видел, - я все хватала тебя за руку.

Борис. Это тоже из-за тебя.

Ли́ка. А потом ты снова стал все видеть - все лифты и все машины.

Борис. Тем лучше для меня. Это, вообще-то опасно – не видеть машин.

И все же... Я до сих пор не могу понять, почему – с той секунду, как ты в комнату вошла, перед читкой, с самой первой секунды она что-то почувяла. Правильно говорят, что все женщины – ведьмы.

Ли́ка. Я - не ведьма... Что ты так смотришь?

Борис. Мне грустно вдруг стало. Я подумал... При других обстоятельствах вы могли бы стать лучшими подругами.

Ли́ка. Что? Что ты говоришь такое?

Борис. Вы с ней очень похожи.

Ли́ка. Не говори мне, что мы с ней похожи. Потому что это не так. Ее привилегированная жизнь не имеет никакого отношения к моей жизни. Я все время пытаюсь пробиться, всю жизнь башкой о стенку расшибаюсь.

Борис. Она тоже.

Ли́ка. Да у нее все есть изначально. Она изначально - на всем готовом. С мамой актрисой – телезвездой. Боткина - женщина-врач всех телевизоров страны! Вылечи нас всех, Боткина! Сколько там сезонов уже – десять, пятнадцать?

Борис. Если ты думаешь, что сериал «Боткина» помогает Нине с карьерой...

Ли́ка. А почему мы все время говорим о Нине? Каждый раз, когда мы видимся.

Борис. Наверное, потому что завтра – премьера. И Нина играет Марию. А ты играешь двойник Марии. Завтра - твой театральный дебют, Ли́ка. Ты - настоящий талант. Ты не только можешь писать, ты можешь играть, - на сцене.

Ли́ка. Больше за сценой, все-таки... И ты еще не знаешь, умею ли я писать. Ты еще не прочитал мою пьесу.

Борис. Я прочту ее скоро.

Ли́ка. Хорошо... Потому что мне очень важно узнать твое мнение. Сама я не могу понять, есть ли во всем этом смысл, - в том, что я написала. Это для меня – самое главное. А актрисой я и не планировала становиться. Так случайно вышло.

Борис. Зря. Ты можешь ей быть. Поверь в это. Я вижу, когда в человеке это есть. К тому же, у тебя внешность. Это почти всегда – в плюс.

Ли́ка. Ага. Была «внешность». С тех пор, как я приехала сюда, у меня что-то с кожей.

Борис. Что?

Ли́ка. Меня обсыпало.

Борис. Я ничего не вижу.

Ли́ка. Я все замазала.

Борис. Возможно, это стресс. Тебе не надо так поддаваться стрессу.

Ли́ка. Я хочу быть с тобой. Почему я не могу быть с тобой?

Борис. Я тоже хочу быть с тобой. Думаешь, я этого не хочу? Думаешь, мне легко вот так сдерживать себя? Когда я здесь, с тобой, наедине, в этой комнате?

Ли́ка. А зачем ты сдерживаешь себя?

Борис. Ты знаешь. Мы с тобой это обсуждали. Много раз.

Ли́ка. Ты говорил, что после премьеры...

Борис. Ли́ка.

Ли́ка. Что?

Борис. Ну, не во время же финального занавеса мне ее бросать?

К тому же, кое-что изменилось. И ты знаешь – что именно. Ты теперь – часть спектакля. Как и она – ты в нем играешь. Когда ты только сюда приехала, мы думали – ты будешь моим ассистентом, и после премьеры твоя работа закончится. А потом пришла эта идея о том, что Марии видится ее тень, ее злой двойник. И все указали на тебя. Вся группа сказала, что ты похожа на Нину силуэтом.

Ли́ка. Все, кроме Ни́ны.

Борис. Да, сначала она была против. Еще как. Но я ее убедил, что это именно то, чего не хватало постановке. Когда придумался двойник – все стало на свои места! Только тогда я понял, что спектакль сложился!.. В результате именно тот факт, что я предлагаю тебя в качестве ее тени, ее успокоил... Это необъяснимо, но это факт...

Ли́ка. Как ты ее терпишь? Боря. Как ты ее выносишь? Она же невыносима. У нее всегда настроение поганое. Она время всем недовольна.

Борис. Что сказать? У нее есть повод для недовольства...

Ли́ка. У нее ужасный характер. Ужасный. Никто другой не будет ее терпеть. Кроме тебя. Поэтому она так в тебя и вцепилась.

Борис. Что сказать? Иногда она может быть... колючкой.

Ли́ка. А почему ты так сейчас улыбнулся?

Борис. Как? Что такое? Ну вот. Не расстраивайся. Ли́ка. Ли́ка. Не грусти. Скажи мне – тебе нравится играть в моем спектакле? Ты считаешь, это для тебя – полезный опыт?

Ли́ка. Да. Конечно. Это уникальный опыт. Я столькому учусь.

Борис. Я рад, что могу помогать тебе учиться и развиваться.

Ли́ка. Больше всего мне нравится, когда на репетициях ты мне говоришь, что мне делать. Когда ты ведешь меня по сцене. Иногда, при этом, ты меня касаешься... Трогаешь мое плечо. Или локоть. Однажды ты меня даже приобнял. Я так жду этого, каждый день надеюсь, что сегодня ты до меня дотронешься.

Борис. Но мы сейчас трогаем друг друга. Ты сидишь у меня на коленях, и я тебя обнимаю.

Ли́ка. Но мы же почти не видимся с тобой вне репетиций. Я почти не видимся! У тебя столько дел...

Борис. Ну, ладно тебе. Мы часто видимся.

Ли́ка. Хуже всего то, что я все время боюсь, что ты все отменишь, из-за всех своих дел и на этой неделе мы опять не увидимся и придется опять ждать следующей...

Борис. Я все время стараюсь находить для тебя время. Разве я не нахожу для тебя время? Ты же знаешь мою занятость. Мои лучшие друзья по месяцу меня не видят. А мы с тобой видимся каждый день. Пять раз в неделю. Иногда и на выходных. Как сейчас.

Ли́ка. Но я не могу там... дотронуться до тебя! Ты все время с ней там! Это же... это же... мучение! Это - мучение!

Борис. Ли́ка...

Ли́ка. Я видеть ее не могу! Я видеть ее не могу! Я каждый день так ревную, я так ревную ее, так ненавижу! Каждый день! И улыбаюсь при этом. И всегда улыбаюсь. Делаю вид всегда, что все хорошо... Ты все еще хочешь быть со мной? Скажи мне, если ты изменил свое мнение. Скажи мне...

Борис. Меня бы здесь не было, если бы я этого не хотел. Я бы не подставлялся так, как я подставляюсь, приходя сюда, к тебе. Я бы не оплачивал тебе квартиры, не давал бы тебе на расходы свои деньги. Не рисковал бы так, обнимаясь с тобой на улицах, у всех на виду, на улицах и в ресторанах, где нас могут увидеть мои знакомые, ее знакомые или знакомые ее матери.

Ли́ка. Я не понимаю... Твои деньги? Это ты мне платишь? Не театр?

Борис. У театра нет возможности платить тебе деньги. Это - бедный театр. Я тебе про это говорил. С самого начала.

Ли́ка. Но... Ты за все платишь сам?

Борис. Только тебе. Тебе одной я даю свои деньги.

Ли́ка. Поэтому их так мало? То есть... Прости... Я не знала.

Борис. Потому что я хочу, чтобы ты была здесь, чтобы ты была в спектакле, чтобы мы могли видеть друг друга. Чтобы мы могли *любить* друг друга так - как это позволяет нам ситуация... Почему ты плачешь?

Ли́ка. Боря...

Борис. Что, Ли́ка?

Ли́ка. Ты - самый важный человек в моей жизни. Ты - мой самый близкий друг. Ближе тебя у меня никого нет. Ты знаешь все мои секреты. У меня перед тобой нет тайн.

Борис. У меня тоже нет тайн перед тобой. Я хочу быть с тобой. Я не хочу, чтобы ты начала встречаться с кем то еще. Но я не имею права тебя останавливать. Сейчас. Пока что я не имею на это права.

Ли́ка. Ты станешь меня ревновать, если я буду с другими мужчинами?

Борис. Я и так тебя ревную. Я постоянно тебя ревную.

Ли́ка. К кому?

Борис. Да много к кому. Например, к Илье. Ты с ним полспектакля торчишь за сценой, в темноте, бог его знает, - что вы там делаете?

Ли́ка. Мы беззвучно друг друга смешим, а потом беззвучно смеемся.

Борис. К Никите. Он мне пару раз говорил, что находит тебя очень, как бы это сказать помягче, - сексуально привлекательной.

Ли́ка. Он как-то пытался меня поцеловать.

Борис. Никита?

Ли́ка. Да.

Борис. Когда?

Ли́ка. В метро.

Борис. У него получилось?

Ли́ка. Не очень, - я в последний момент увернулась... Я думала, ты ревнуешь меня к Владу. Потому что он все время со мной разговаривает.

Борис. Не. Влада я просто опасаясь. Они с Ниной старинные друзья, даже встречались когда-то сто лет назад, поэтому будь осторожна с тем, что ты ему говоришь.

Ли́ка. Господи, опять. И ты еще о какой-то ревности ко мне говоришь? Это ты каждую ночь ложится в постель с другим человеком. Не я.

Борис. Но... Мы почти никогда это не делаем.

Ли́ка. Да?

Борис. Да. Так бывает, когда люди давно вместе. Мы... Впрочем... Я бы не хотел вдаваться в подробности...

Ли́ка. И не надо. Когда мы с тобой займемся любовью?

Борис. А... Нина перед премьерой вся на иголках. Сама понимаешь. Так что я бы не стал сейчас рисковать. Нужно немного подождать. Когда я вернусь с фестиваля...

Ли́ка. С какого фестиваля?

Борис. Я ставлю моноспектакль по моей пьесе. Премьера на фестивале «АртПлюсАрт».

Ли́ка. По «Хрупким костям»?

Борис. Да.

Ли́ка. О, как мне нравится эта пьеса! Она такая потрясающая. Она как «Над пропастью во ржи», только с главным героем – девочкой!

Борис. Я помню, ты это говорила. Мне льстит такое сравнение.

Ли́ка. Так ты уезжаешь из города, чтобы ставить новый спектакль? Когда?

Борис. Через неделю.

Ли́ка. Но... Ты же только что поставил спектакль. «Бледные розы»... Помнишь?

Борис. Разумеется.

Ли́ка. Почему ты не делаешь пауз никогда? Почему ты все время... вот так?

Борис. А я тебе объясню - почему. Когда тебе звонят и предлагают что-то – ты можешь сказать «нет» один раз, потом второй, а на третий раз они уже не будут звонить, не будут предлагать – ничего. А пока это длится, это надо ценить. И использовать. Иначе люди о тебе забудут. Слишком много всего происходит вокруг. Новые имена каждый день. Я не могу расслабиться и почивать на лаврах, которые и так не такие уж пышные, в моем случае, - чтобы на них почивать.

Ли́ка. Как долго ты будешь готовить спектакль?

Борис. Месяц.

Ли́ка. О, боже.

Борис. Я буду приезжать на выходных.

Ли́ка. Боря, скажи мне пожалуйста,... Ты бываешь доволен тем, чего уже достиг?

Борис. Время от времени. Я доволен некоторыми моими работами. Многими моими работами. Но это не меняет того, что театральные критики часто меня не понимают и пишут всякую хрень про «эпатаж» и «скандал».

Ли́ка. Но ты доволен своей карьерой? В общем и целом.

Борис. Когда как. В общем и целом – не очень.

Ли́ка. А счастлив ты бываешь?

Борис. Нет.

Ли́ка. Как так?

Борис. Ты бываешь?

Ли́ка. Конечно. Время от времени. Я очень счастлива время от времени, и очень несчастна все остальное время.

Борис. Значит, повезло тебе.

Ли́ка. Это мне-то повезло?

Борис. У тебя много чувство. Ты много всего чувствуешь. Это - дар.

Ли́ка. О, да. Иногда этот дар просто разрывают меня изнутри. Мне иногда кажется, что я скоро лопну, как воздушный шар, и заброшаю всю вокруг своими внутренностями. Так что да - мне очень повезло иметь столько чувств! Тебе есть чему завидовать! Когда ты займешься со мной любовью?

Борис. Я очень хочу заняться с тобой любовью. Поверь мне.

Ли́ка. Как я могу в это поверить? Вот я – стою перед тобой. Вот мы здесь одни, никто нам не помешает. А ты все равно этого не делаешь. Как я могу поверить, что ты этого хочешь?

Борис. У тебя что, никогда такого не было, когда ты чего-то хотела, очень - но знала, что это неправильно и поэтому ты себе этого не позволяла?

Ли́ка. Нет!

Борис. Нет? Как это - нет?

Ли́ка. Если тебе что-то надо, если тебе этого очень хочется – ты идешь и делаешь это. По-другому никак.

Борис. Кстати. Я начал читать твою пьесу. «Зимний призрак».

Ли́ка. О, боже. Что ж ты сразу не сказал? Сколько ты уже прочитал? Боже, я так волнуюсь.

Борис. Где-то половину.

Ли́ка. Боже.

Борис. Не пугайся. Ты так пугаешься.

Ли́ка. Я волнуюсь, что ты скажешь.

Борис. Это очень хорошо.

Ли́ка. Да?

Борис. Это на редкость хорошо.

Ли́ка. Правда?

Борис. Ты пишешь лучше, чем мои студенты, когда у меня были студенты. И это были люди, которые учились писать пьесы годами, а ты вот так села и написала такой сильный материал.

Ли́ка. Я прочла миллион пьес за эти два месяца. Полмиллиона из них – твои.

Борис. Кое-что там еще сырое, конечно.

Ли́ка. Конечно. Это же первый драфт.

Борис. Мне нравится, как ты держишь напряжение. Когда у тебя Сандра и этот парень оказываются вместе, в одной комнате... Сразу начинаешь понимать, - что это будет непредсказуемо, это будет опасно, и это причинит вред, - кому-то из них, возможно обоим. Это самое интересно, самое крутое и важное, что можно встретить в пьесе. Потому что - хорошая пьеса, это когда чувствуешь что - то, что сейчас происходит в комнате, с этими людьми – самое важное, что случалось с ними, в их жизни. Понимаешь? Иначе, зачем они остаются здесь, в комнате, друг с другом? И зачем зритель на это смотрит? Понимаешь?

Ли́ка. Я понимаю. Да.

Борис. А вот сцены с допросом, - когда ты вводишь в действие следователя... И устраиваешь весь этот процедурал... Это - нет.

Ли́ка. Нет?

Борис. Это не театр. Это - телевидение. Это сериалы... Кино. Понимаешь? Не за этим человека идет в театр.

Ли́ка. А зачем человек идет в театр?

Борис. Большинство, разумеется, идет туда за приятным, и комфортным - типа, культурным отдыхом, но мне до такого зрителя дела нет. Я на того зрителя плевал. Я думаю о моем зрителе, который, как и я - идет в театр за тем, что вот - здесь и сейчас, прямо перед ним, - что-то реальное начнет происходить с этими людьми в комнате. На самом деле происходит. Сейчас, в режиме реального времени. Пойми. Зритель в зале и актеры на сцене – они ведь дышат одним воздухом. Они проживают эти минуты вместе. Это в кино ты берешь отснятый материал - и вертишь его, крутишь туда-сюда, так и эдак, - реплику отсюда, реакцию оттуда, вот этот кадр с этими местами поменять, вот сверху фильтров пять штук наложить... Одни трюки. Это обман. Кино - это трюкачество. Это иллюзия. Раньше я этого не знал, а когда свой фильм снимал и потом в монтаже сидел - я просто офигевал. Это было откровение. Сплошной эффект Кулешова. А в театре, - вот он актер, перед тобой; вот он влюбляется у тебя на глазах, вот он принимает неверное решение, совершает неисправимую ошибку. На твоих глазах. Вот он корежит другого человека, ломает его, убивает; сам умирает... В твоём присутствии... И ты можешь протянуть к нему руку. Ты хочешь протянуть к нему руку. Иногда ты буквально можешь это сделать – так близко он от тебя находится. И ты хочешь остановить его, или утешить, или спасти, или, наоборот, ударить ... Но ты не можешь. То есть - ты можешь, но ты и не можешь. Четвертая невидимая стена! Понимаешь? Прикосновение и одновременно не прикосновение.

Ли́ка. Как это?

Борис. Это из Сэлинджера. Он так описывает любовь.

Ли́ка. В смысле?

Борис. «Любовь - это прикосновение и в то же время это не прикосновение».

Ли́ка. Что это значит?

Борис. То же, что и четвертая стена в театре.

Ли́ка. Я не понимаю. Почему любовь - это прикосновение и не прикосновение?

Борис. Это как – ты протягиваешь руку, чтобы дотронуться до другого... но останавливаешь себя на полпути.

Ли́ка. Почему останавливаешь?

Борис. Потому что это страшно. И слишком прекрасно. Ты думаешь, если дотронешься, что-то разрушится, испортится или исчезнет навсегда... Да что я тебе объясняю? Взять твою героиню. Сандру из «Зимнего призрака». Она у тебя в постоянном внутреннем конфликте. И это отлично. Она хочет этого парня. Хочет быть с ним, любит его. Но бежит от него. От его любви. Как от какой-то заразы. К незнакомым мужикам. Чтобы отдать им себя, отдать задаром свое тело, которое им даже не нужно. В то время, как этот парень – он у тебя, вроде как, аутист?

Ли́ка. Вроде того.

Борис. В то время как он буквально сходит с ума от своей любви к ней. Готов на все ради нее. Даже на преступление. Даже на убийство.

Ли́ка. Или как в твоей пьесе. «В бледных розах». Когда все, что ему надо сделать - это прийти в спальню Марии, а он все копается в своей земле с червями.

Борис. Вот видишь. Ты все понимаешь. Так, мне пора уходить...

Ли́ка. Помнишь, как мы ходили на «Чайку». Как там между сценами – гасили свет, и зал секунды на три-четыре погружался в полную темноту. И каждый раз я прижималась щекой к твоему плечу, или ты клал свою руку мне на шею. В эти секунды, когда было темно, как в раю. Вокруг были люди, море людей, но в этой темноте мы были одни. Это был лучший вечер.

Борис. Да... Я тогда слишком много выпил. Макар, кстати, сказал мне потом, что было видно, как мы это делали. Так что, полностью темно там не было. Увы. И все это было крайне неразумно и опасно.

Ли́ка. Ты больше не хочешь расставаться с Ниной?

Борис. Вопрос не в моих желаниях, а в том, что это очень сложно сделать. У нас с ней уже давно все общее - квартира, собака, вся наша жизнь в этом городе... И я понятия не имею, как это делить. Как мы, допустим, будем делить нашу собаку? Или нашу кровать?

Ли́ка. О. Вашу кровать. На которой вы почти никогда не делаете это? Сожгите ее! Устройте охренительно яркий костер посреди спальни! Станцуйте вокруг огня танец освобождения от ваших мучительных отношений! Как тебе такая идея? Дарю!

Борис. Ого. Вот, значит, как ты можешь?

Ли́ка. Что? Я все меньше похожа на Кристину?

2. Рецензия на «Бледные розы на темном фоне».

Ли́ка (читает). «Неутомимый провокатор, снискавший славу самого брутального и маскулинного из современных театральных деятелей, сделавший имя на безжалостных пьесах, с трудно выносимыми сценами секса и насилия, представил зрителям свою новую работу – спектакль «Бледные розы на темном фоне», в основу которого легла первая пьеса автора. Но не стоит очаровываться романтическим названием. Скандальный режиссер остается верен себе. Его новый спектакль представляет собой парад гротеска и экстремальных проявлений человеческого поведения, и я вновь вынужден повторится и сказать, что зрелище это - не для слабых желудков».

Борис (читает). Пьеса заигрывает с многочисленными клише, но создает яркие и запоминающиеся сцены, перед тем как в финале свалится в привычную чрезмерную и жестокую мелодраму. Это даже обидно, учитывая, что на этот раз от автора ждали чего-то принципиально иного. После спектакля на ум приходит реплика Императора из фильма «Амадей»: «Слишком много нот».

Ли́ка (читает). «Среди круговерти эксцентричных персонажей, лишь глубоко страдающая Мария выглядит полнокровной героиней. Заслуга, прежде всего, принадлежит самой актрисе, сумевшей тонко и нервно воплотить многогранный и противоречивый женский образ. Уверен, мы не раз еще увидим это многообещающую молодую актрису»...

Ну что. У тебя получилось. Теперь у нее будет карьера. И ты ей больше ничего не должен... Боря? Боря? Ты меня слышишь?

Борис. Он меня что, - с Моцартом сравнил?!

3. Пьяный вечер. Декабрь, 2.

Ли́ка. Что это за песня?

Борис. Повторите нам, пожалуйста!

Ли́ка. Ой, нет!

Борис. Почему? Давай повторим.

Ли́ка. Еще полбутылки есть.

Борис. Так на дне. Мы уже на дне.

Ли́ка. Это правда. Мы уже там.

Борис. Повторите нам, пожалуйста!

Ли́ка. Кто, блин, эту песню поет? Я хочу знать!

Борис. Это из восьмидесятых. Попса. Я забыл название.

Ли́ка. Я никогда не знала, кто ее поет. Погоди. Погоди. Твой телефон! У тебя есть на нем программа? Как ее? Ловец песен?

Борис. Вроде да. Сейчас.

Ли́ка. Боже мой, - до чего дошел прогресс. Я когда узнала, чуть с ума не сошла. Можно вот так взять и поймать песню телефоном. А я всю жизнь запоминала слова. На листочки их записывала. А потом искала, что за песня...

Борис. Что тут написано? А?

Ли́ка. Марк Алмонд. «Отвергнутая Возлюбленная». О. Тут и перевод есть!

Борис. Боже.

Ли́ка. *«Отвергнутая возлюбленная, усвоила урок, опаленная своей любовью... Она лила горькие слезы, и теперь ее любовь превратилась в сладкую месть отвергнутой любви...»*

Борис. Тебе что – такое нравится?

Ли́ка. Иногда. Когда настроение подходящее. Слушай. *«Она придет за тобой с ножом, Будет слать твоей жене отравленные письма, разрушит до основания твою жизнь, Ради удовольствия видеть твои мучения».*

Борис. Мы говорили... Мы говорили о твоей пьесе. Я спрашивал у тебя о твоём выборе добавить в пьесу песни... Почему ты решила так сделать? Я сам почему это спрашиваю -

Ли́ка. *«На работе она выставит тебя дураком, Она обольет твое имя грязью, убедится, что тебе действительно больно, ради удовольствия смотреть, как ты горишь в аду».*

Борис. Потому что я сам меломан. Без музыки дня прожить не могу.

Ли́ка. Я могу день без кино прожить. Легко. Без книжки могу. Без театра жила многие годы и ничего. Но без моих любимых песен. Нет. Не вариант.

Борис. Потому что песня - это совершенное... Это самое совершенное из всех творчеств.

Ли́ка. Точно.

Борис. В песне - душа человека.

Ли́ка. Вся его история, вся его боль.

Борис. Ритм его сердца. Как-то так.

Ли́ка. Три с половиной минуты, и ты навсегда в нее влюблен. Отныне эта песня всегда будет с тобой. В твоих наушниках, и в твоей душе.

Борис. Если бы я верил в бога, я бы сказал, что это - самый приближенный к нему вид искусства. Музыка и поэтический текст – вместе.

Ли́ка. Вообще-то... Ты веришь в бога гораздо сильнее, чем я.

Борис. С чего бы это?

Ли́ка. Я просто допускаю, что Вселенная руководствуется неким высшим порядком; сводом правил, которые позволяют тебе самому делать себя очень счастливым или очень несчастным... В то время как ты, мой дорогой – ты находишься в ярмом антагонизме со своим ветхозаветным представлением о суровом и карающем боге... Ты враждуешь с ним, ты с ним в постоянном яростном споре и это значит, что ты очень даже в него веруешь!

Борис. Ого, вот это ты меня пригрузила... Ты всегда такая, когда пьяная?

Ли́ка. Я еще и... такая... И такая... И такая... Меня поражает, как ты смотришь на меня, когда я к тебе приближаюсь очень близко. Ты смотришь на меня почти испуганно... Ты следишь за мной. Ты хочешь понять по шкале опасности этим вечером – где я на шкале опасности этим вечером? Раньше ты на меня так не смотрел. Раньше, когда я тебя целовала и открывала вдруг глаза – я видела, что твои глаза тоже открыты и в них - только растерянность и такая гигантская нежность. Она и заставляла меня оставаться... Каждый раз оставаться и ждать тебя дальше. Сколько угодно ждать. Твои глаза - беззащитные и нежные – этот контраст между суровым тобой и твоими глазами, когда я тебя целовала... А сейчас ты будто опасаясь меня.

Борис. Это так. Я опасаясь тебя. Я тебя опасаясь.

Ли́ка. Почему?

Борис. Потому что Нина уехала из города, и мы пьем в баре за углом, рядом с моим домом, где ждет меня мой пес, которого уже нужно выгулять. И я не знаю, что еще я могу себе придумать, или приказать, что может меня остановить...

Ли́ка. Остановить? Перед чем?

Борис. Кто это поет? Сейчас... Сейчас увидим... Soft Cell. «Порочная любовь». *«Наша любовь, Кажется, ведёт нас в никуда. Свет пропал из моей жизни. Я кручусь, верчусь, я не сплю ночами... Не дотрагивайся до меня, пожалуйста. Я не выношу, когда ты меня дразнишь».* Что? Это из песни.

Ли́ка. Нина не в городе?

Борис. Она уехала на выходные. У нее съемки. В сериале.

Ли́ка. У тебя все девушки были актрисы?

Борис. В смысле? По жизни? Только последние лет десять.

Ли́ка. Тебе нравится, что они актрисы, да? Что ты можешь делать из них своих героинь. Можешь вести по сцене. Говорить им: «А теперь ты делаешь это. А теперь говоришь так... А теперь снимаешь майку... Ложишься вот сюда... А в финале ты умираешь вот так».

Борис. Ты хочешь того же? Хочешь быть моей актрисой? Что бы я говорил тебе, что тебе надо делать?

Ли́ка. Я хочу быть твоей актрисой. Конечно. Но я хочу быть больше чем, все твои актрисы. Я еще и автором быть хочу. Чтобы говорить: «Теперь ты влюбляешься. Ты растёгиваешь рубашку. Ты ложишься вот сюда. А в финале ты говоришь...

Борис. Что? Что?? Что?!!

Ли́ка. «Выходи за меня замуж»!

Борис. Боже мой! Ты все еще хочешь за меня замуж?!

Ли́ка. Мое желание не желать ничего не меняет. Это из песни.

Борис. Я знаю... Зачем люди вообще хотят жениться друг на друге? Зачем они думают, что рано или поздно этот момент обязательно должен настать? Зачем они считают, что обязаны делать детей и жить вместе до конца времен? Почему нельзя по-другому? К примеру - завести собаку и прожить вместе двенадцать лет?!

Ли́ка. А потом новая собака и новые отношения?

Борис. Почему нет?!

Ли́ка. Действительно, - почему нет? Но значит ли это, что мне надо тебя подождать еще... Восемь лет? Когда ты освободишься от своего нынешнего пса и своей Нины?

Борис. Уточнение. Семь с половиной. Подождешь?

Ли́ка. Я ждала тебя почти двадцать девять лет. Могу подождать еще семь с половиной. Боже, нет. Я не настолько еще сошла с ума. Извини. Нет. Не буду.

Борис. О! Эту песню я знаю и без телефона.

Ли́ка. Все ее знают. Но я никогда не понимала, что значит ее название.

Борис. «Wonderwall» означает, - Стена Чудес.

Ли́ка. Да. Но. Что это такое? *«Может быть, ты тот - кто меня спасет. Ведь в конечном итоге - ты моя стена чудес».* Что это значит?

Борис. Если вдуматься, любимый человек - он как чудо и одновременно препятствие на пути к нему.

Ли́ка. Как прикосновение и, в то же время не прикосновение?

Борис кивает.

Ли́ка. Мне кажется, в таком исполнении песня звучит правильнее. В этом минорном ключе. Когда тот, кто поет, будто плачет. Потому что как можно не плакать, поняв, что твой любимый – это стена чудес. К которой бежишь, со всех ног, потому что это самое прекрасное и самое великолепное, что ты встречал в своей жизни, и в которую ты врезаешься – вот так!

Борис. Не надо плакать. Не грусти. Веселись.

Ли́ка. Иногда меня удивляет, что ты - тот, кто написал столько красивого текста.

Борис. Что поделать? Иногда мужчина теряет все свои слова. Остаются только действия... Ты хочешь пойти ко мне? Мне надо выгулять моего пса.

Ли́ка. Это теперь так называется?

Борис. Не смейся надо мной. Мне действительно нужно погулять с собакой.

Ли́ка. Ты хочешь, чтобы я пошла с тобой, поднялась в твою квартиру?

Борис кивает.

Ли́ка. Чтобы мы вместе выгуляли твоего пса?

Борис. Да.

Ли́ка. А потом?

Борис. Одно я знаю точно. Пес, наверняка, будет удивлен. Может, даже шокирован.

Ли́ка. Думаю, он это переживет.

Борис. Никто не должен об этом узнать, Ли́ка.

Ли́ка. Боря, ты помнишь, когда я вышла из себя и начала тебе говорить, что никто в театре не любит Нину, и никто в театре не понимает, почему ты до сих пор с ней? И ты мне тогда сказал, что:

«Никто. Не знает. Что. Происходит. Между. Двумя. Людьми».

Так вот. Никто никогда не узнает всего, что произошло между нами. Все не будет знать никто. Даже если я об этом напишу пьесу. О вот этом вот, обо всем.

Борис. Боже. Это не пьеса будет, а кошмар.

4. Ли́ка слушает интервью Бориса по радио. Декабрь, 18.

Борис. ...Да, меня часто спрашивают, почему в «Бледных розах...» я обратился к другой эпохе. Я ведь обычно пишу о нашем времени, о моих современниках... Но это была моя самая первая пьеса. Тогда я много читал таких авторов, как Ибсен, Стриндберг, Юджин О'Нил, Теннесси Уильямс. Я хотел, не то чтобы подражать... Скорее, вдохновившись – отдать им дань почтения... Они все писали о том, что семья – это страшно. И мне близко такое мировосприятие... А то, что я вернулся к пьесе сейчас, – связано с тем, что я решил, что очень хочу сделать спектакль с моей любимой актрисой. Потому что она – очень талантливая, и эта роль будто была написана для нее... Я хочу сказать... Вы знаете, – это расхожее клише, о том, как тяжело жить с писателем... Но это правда. И я очень много отношений потерял из-за моей работы. Потому что, – что скрывать? Я – обсессивно-компульсивный писатель и человек. И иногда мне надо полностью увлечься чем-то одним... Или кем-то одним... Чтобы потом кинуться в совсем другую сторону и упасть в новую историю и потеряться в ней на какое-то время... И устроить из моей жизни очередной хаос и бардак... Но Нина, она смогла все это вынести и остаться со мной... И, в конечном итоге, – это и было самым важным для меня в выборе постановки. Я хотел

сделать спектакль с Ниной. Для нее. Потому что она – моя любовь. Она - главная любовь в моей жизни.

5. Последний вечер. Декабрь 23.

Ли́ка. Зачем все это было - зачем ты меня сюда привез - зачем тратил деньги на меня - зачем всем рисковал?! Если у тебя такая великая любовь тут, под боком?! Господи, боже мой! За что меня вот так? За что, такую как я, - вот так? Что ты сидишь? Что молчишь? Ты что – просто ждешь, пока я сама себя успокою? Проорусь, да? Ты всегда такой каменный в реальной жизни, когда человеку перед тобой плохо? Когда у человека – истерика, как у меня сейчас - ты всегда такой каменный – вот так вот сидишь всегда, сложив руки вот так? Ты всегда такой холодный? И сокрушительный?

Я помню... Помню, на прошлой неделе, когда я положила голову тебе на плечо, в такси... У меня чуть ухо не отморозилось. От твой холода. Ты похож на гомункула. На мертвого Франкенштейна.

Борис (кивает). Да... да..

Ли́ка. Мне интересно, - ты знал, что я буду слушать это интервью или, наоборот, был уверен, что я его не услышу?

Борис. Что ты там такого услышала, чего раньше не знала?

Ли́ка. Ты серьезно? Дай-ка я вспомню: «Я не хочу идти домой к Нине»; «Все очень быстро у нас началось с Ниной, и я даже не понял, действительно ли я хочу быть с ней»; «Я где-то год не был уверен, что мне вообще нравится Нина, как человек»; «Мы бы расстались уже после первого года, но ей было тяжело, у нее было много проблем, я не мог ее тогда бросить»... Подожди, подожди. Это не все: «Я расстанусь с Ниной после премьеры». «Я расстанусь с Ниной, как только вернусь с фестиваля»...

Борис. У тебя, что диктофон включен был все время? Ты меня что - записываешь?

Ли́ка. (показывает на свою голову) Вот сюда я все записываю! Я знаю про тебя все, и я все помню. Когда у тебя интервью берут, я знаю, что ты ответишь, где ты обрадуешься вопросу, а какой вопрос тебя выбесит, даже если ты никак это не покажешь. Я помню, что ты прятал мамины дамские романы в морозильник, чтобы позлить ее, а она гонялась за тобой по дому с кухонным полотенцем, чтобы тебя им отхлестать, а ты убежал от нее через окно. Я знаю всех твоих актрис, и всю хронологию твоих романов. Знаю, что ты любишь морепродукты, но иногда у тебя на них аллергия. Что ты любишь Сару Кейн, но не любишь, когда тебя с ней сравнивают, потому что сравнение всегда в ее пользу. Что ты делаешь вид, что тебе нравятся пьесы Трейси Леттса, но на самом деле, они тебе они не нравятся. Потому что ты считаешь, что он просто актер, а никакой не драматург. Ты очень любишь очень сладкие конфеты, которые обычно только дети и едят. Ты можешь съесть их очень много за раз, и у тебя даже живот не заболит, зато потом ты будешь мучиться угрызениями совести. Я... могу так долго продолжать. Но разговор сейчас не о том, что я слишком

много о тебе знаю, и что я помню все наши разговоры почти дословно, и даже когда я сотру всю нашу переписку, а я это сделаю, потому что мне невыносимо больно даже думать о том, я могу случайно перечитать что-то из времени, когда ты мне писал, что «мое письмо для тебя - лучшее начало дня»... Даже когда я сотру все твои письма, я все равно буду их помнить. Но сейчас я не об этом. А о том, что ты – ты не помнишь ничего обо мне. Ты про меня так ничего и не узнал. Даже про то, что у меня очень хорошая память. Я просто была - копия твоей выдуманной девушки, а потом ты увидел, что я - не она. И все. И всему пришел конец. Меня же саму ты так и не потрудился узнать. Поэтому, - даже если ты когда-нибудь решишься написать обо мне - ты не сможешь этого сделать. Увы! Потому что ты не узнал меня. И это так печально. Это так печально... И поэтому я хочу домой. Как можно быстрее. Что до спектакля, уверена, это будет не сложно – найти новый силуэт на роль тени твоей самой главной любви.

Борис. Хорошо. Ладно. Я куплю тебе билет.

Ли́ка. Да уж будь добр. С тех пор, как ты перестал давать мне деньги, и мне стало нечего есть, я питалась у декоратора Ани и иногда еще, у Паши, который билеты в театре продает. А вчера я нашла здесь, в этой пустой квартире, куда ты меня сплавил - немного риса и четыре пакетика сахара из Макдональдса, и это было все, что я ела вчера. Из-за такого питания я теряю свои последние килограммы; волосы и ногти мои ломаются, а на кожу уже просто страшно смотреть. Какая уж тут Кристина? Но я благодарна, что, по крайней мере, сегодня у меня есть крыша над головой. Потому что в прошлом месяце мне пришлось две недели - две недели, пока ты был на своем фестивале, искать, где мне ночевать, чтобы меня ненароком не изнасиловали. Так что, да, придется тебе купить мне этот чертов билет и в последний раз потратить на меня свои деньги.

Борис. То, что ты сейчас сказала... Ты ведь мне этого никогда не говорила. Я ведь ничего из этого даже не знал. Ни про то, что у тебя закончились деньги, ни про то, что тебе тяжело было найти, где... Господи... А теперь ты меня обвиняешь... Но ты же мне ничего не говорила. Ты могла мне это сказать.

Ли́ка. Конечно, могла. Конечно, я не сказала. Больше всего я боялась, что ты меня начнешь воспринимать, как обузу. Что довольно иронично, учитывая то, что ты давно меня так воспринимаешь, но поняла вот сейчас... Но ты не так меня понял. Я тебя не обвиняю в том, что мне было нечего есть, и я не всегда знала, где я буду спать... Я кое-что поняла. Про нас с тобой. Писатель Сэлинджер мне в этом помог... Помнишь, в финале в том рассказе, он говорит: «Вот почему я так и не написал... историю о том, как парень встречает девушку. В истории о том, как парень встречает девушку, парень всегда встречает свою девушку».

Да, я это поняла только сейчас. Я просто девушка, которую ты случайно встретил.

А твоей девушкой – всегда была Нина. Все это время, речь здесь шла о вашей с ней истории. Она и есть твоя история, о том как «парень встретил девушку». Свою

девушку... А я в этой истории – лишь глава. Возможно - самая драматичная. А может, и нет. Может, я даже не играю в ваших отношениях такую уж важную роль...

Борис. О, верь мне. Ты играешь такую роль... Ты меня ненавидишь сейчас?

Ли́ка. Ну что ты? Сейчас я люблю тебя сильнее, чем когда-либо. Я тебя обожаю. Так бы и съела тебя всего – от твоих волос до ногтей на ногах. Потому что, в данный момент, - в моем мире от меня самой почти ничего не осталось. Только ты. Один ты. Повсюду. Видишь ли, такие дела - я полностью потеряла себя в тебе, милый друг. Так иногда бывает. С людьми, которые совсем не любят себя и в какой-то момент решают, что другой может это изменить и - спасти их. Поэтому я тебя не виню... Какой смысл любить свою тень, которая заклинает тебя: «Не оставляй меня!». Любой бы оставил такого. Я сама - первая такого оставила бы.

Борис. Иди сюда. Ко мне. Дай мне обнять тебя. Вот так. Ты только не думай, что я мог просто взять и принять такое решение - разлюбить тебя. Или перестать тебя хотеть. Сама ведь знаешь, желание перестать желать кого-то ничего не меняет... И, все-таки, имей в виду. Даже ты не знаешь обо мне все. Я никогда тебя не забуду. И вряд себя прощу за то, что я тебе сделал. Поэтому, именно поэтому, ты не затянешься у меня и полностью не пройдешь никогда. Ты останешься моим самым большим вопросом. И я не перестану его себе задавать. Прости, что вверг тебя в хаос моей идиотской жизни.

Ли́ка. Не называй свою жизнь идиотской. Когда-нибудь о ней напишут монографию... Или пьесу.

Борис. Я лишь надеюсь, что пьесу обо мне напишешь не ты. Потому что в этом случае, я буду выглядеть реальным козлом. Возможно, самым большим козлом в истории театра.

Ли́ка. Не преувеличивай свой масштаб. Всего лишь в истории театра 21-го века.

Борис. Верное уточнение. С парнями из 20-го века даже мне не тягаться. Хотя бы с тем же Юджином О'Нилом.

Ли́ка. Или с тем же Антоном Павловичем.

Борис. Ты главное - пиши дальше. Все у тебя получится. Есть у меня чутье на такие вещи. «Зимний призрак» - хорошая пьеса. Ты пойдешь с ней дальше. Пошлешь ее на конкурсы. Ее начнут читать. О тебе заговорят. Отметят тебя. Ты станешь настоящим драматургом.

Ли́ка. Да... Только я не буду посылать на конкурсы «Зимний призрак».

Борис. Почему?

Ли́ка. Там слишком много твоего влияния. В этой пьесе слишком много тебя.

Борис. Ты считаешь, - это плохо?

Ли́ка. Я считаю, что у меня закончился период, где ты учил меня, как писать. И дальше будет другой период, где я буду искать свой собственный стиль. И голос. Как-то так. Только...

...Только между двумя этими периодами - я умру.

Да. Да... Я буду совсем мертвая. Как та девушка в клипе, которую ветер кружит над полем. Сначала ты видишь - девушка лежит в поле, красивая. И будто спит. А потом, когда ветер ее поднимает и начинает кружить и вертеть над полем, как пустую сломанную куклу, ты видишь, - что она не спит. Она - мертвая. И уже не красивая. Слишком бледная. Со стеклянными глазами. С серой кожей. Я буду, как она. Какое-то время. Возможно, пару лет. А потом я начну оживать. И найду свой голос. И стиль.

Борис. Обещаешь?

Ли́ка. Обещаю. Я обещаю.

Борис. Прощай. Спасибо, что оставалась со мной в комнате; спасибо, что была добра ко мне, когда я был незнакомцем.

Ли́ка. Спасибо, что стал моей Стеной Чудес.

Борис. Бум.

Ли́ка. Ай.

Шесть занимательных фактов о песне «Wonderwall».

Факт первый. «Wonderwall» — песня британской рок-группы «Oasis», написанная Ноэлем Галлахером. Это третий сингл из альбома «(What's the Story) Morning Glory?», и единственный хит «Oasis», вошедший в топ 10 в США.

Факт второй. По словам Ноэля, эта песня о девушке, которую он встретил во время тура «Oasis». Ранее в прессе утверждалось, что речь в песне идет о жене Галлахера. В настоящее время музыкант утверждает, что песня не о ней, но в свое время ему пришлось потворствовать этим слухам: «Как вы объясните своей жене, что песня о другой?.. Эта песня о воображаемой подруге, которая, как вам кажется, может спасти вас от самого себя».

Факт третий. Ноэль планировал исполнять песню сам, но в результате, отдал ее брату Лиаму, который, согласно продюсеру трека, привнес в исполнение «грубую печаль, будто он только что выкурил сто сигарет».

Факт четвертый. Сам Ноэль не в восторге от песни: «За пределами Англии, во всем остальном мире, нас только по этой песни и знают. И меня это, блин, бесит. Это, блин, ведь даже не рок-н-рольная штука. Это такая унылая тема. И когда люди подходят ко мне и

говорят, что это одна из самых великих песен, когда-либо написанных, я думаю: «Да гори все в аду, вы что, не слышали нашу «Live forever»?»

Факт пятый. Согласно Ноэлю, американский кантри-певец Райан Адамс, который превратил «Wonderwall» в акустическую балладу, лучше справился со своей задачей, чем сами «Oasis»: «Я подошел к нему и сказал: «Ты можешь забирать эту песню себе, чувак. Потому что мы так и не смогли понять, как ее петь. А ты смог».

Факт шестой. Вам точно понравятся рассуждения самого исполнителя оригинальной версии Лиама Галлахера на тему того, что означает слово wonderwall: «Это может быть чем угодно. Просто красивое слово. Это, как искать билет на автобус, когда ты ищешь его, ищешь, и уже такой: «Ну, где же ты, ублюдок?!» А потом вдруг находишь, и достаешь, и такой: «Охренительно! Вот мой wonderwall!»

ЭПИЛОГ

1. Борис. Интервью для театрального портала «Драматические разговоры»

Вы хотите, чтобы я просто наговорил текст в свободном формате, я правильно понял? Как «автоматическое письмо», когда надо, не думая, писать без остановок и пауз всё, что приходит в голову и смотреть - куда тебя это заведет? Только устно... Окей... Мне всегда нравилось это упражнение. Ни секунды на рефлексии. Нестись, как обезумевший гонщик... Как одержимый поэт. По темному лесу своего полусознанного... Или вот так воздух сотрясать – как я сейчас - как пьяница на автобусной остановке, пугающий женщин и веселящий детей... Кстати, я уже начал мое свободное интервью, если вы не поняли... Пьяница на остановке, говорящий с кем-то невидимым и вездесущим, вроде бога, в которого не верит, но с которым вечно борется; спорящий со всем миром... Я всегда думал, что мог бы стать этим пьяницей на остановке, - если бы не начал писать... Мои истории меня спасают. Каждый раз только они меня и спасают. Я всегда думаю о них, я никогда не могу просто - не думать. Просто быть. Просто жить. Раньше я отключал сознание вином и всякой наркотой. Теперь вином и спортом. Спорт - это когда ты делаешь одно движение, потом еще одно, и потом еще одно – и мысли твои только об этих движениях, только о движении, которое ты делаешь - вот сейчас. Это, конечно, временное высвобождение, краткое выныривание из мутной реки моих... нечистых мыслей – но это именно то, что удерживает меня в здравом уме... Люди, у них давно сложилось мнение обо мне. У моих читателей, у зрителей и критиков... У людей, которые сначала прочли мои вещи, увидели спектакли, а потом познакомились со мной. Как правило, меня почти боятся... Или наоборот... Околдованы, что ли, образом, который сложился у них в голове. А потом они встречаются меня и накладывают поверх этот нарисованный образ. Сколько раз меня упрекали... Особенно женщины. «Ты пишешь такие прекрасные слова, вкладываешь их в своих героев, а в жизни не в состоянии сказать, что чувствуешь... Что ты за человек такой? Кого же я полюбила?»... Я не знаю, кого. Вернее, знаю. Моих

героев, этих выдуманных людей... Не меня. Не меня ты полюбила. Я их создал. И они лучше меня... Они лучше. Кто знает, может, мои герои и спасают меня таким образом – делая за меня все, что сам я не в состоянии сделать, или даже почувствовать... Как часто я ничего не чувствую. Как много чувствуют они. Они лечат меня - своей страстью, болью и яростью. Своей отважной любовью. Мне говорят... Иногда мне говорят: «Ты никогда не любил меня так, как я думала, ты меня любил. Как в твоих пьесах мужчины любят женщин...» Что на это сказать? Влечение к женщине, любовь к ней, секс – это все хорошо, очень приятно и бодрит... Но так уж вышло, что нет для меня ничего желанней момента, когда я пишу пьесу, и потом иду спать, и вот уже время вставать, и я почти проснулся... И думаю о том, что сейчас я снова вернусь туда - в комнату, ко всем этим людям, о которых пишу. Потому что я дождаться не могу – вернуться в эту комнату. Это моя зависимость...

Иногда я... думаю о том, что жизнь человека определяются катастрофами, которые с ним случились. Где-то раз в семь лет человек принимает решение и совершает некий выбор, и последствия этого выбора бывают катастрофичными. То есть, как правило, раз в семь лет человек проживает некую катастрофу... Именно такой опыт мне и необходим, время от времени, для подзарядки моего творчества. Такие редкие, но с гигантскими последствиями... катастрофы.

2. Лица. Интервью для театрального портала «Драматические разговоры»

С тех пор, как у меня начали брать интервью, первый вопрос, как правило: – Основано ли то, что я пишу на реальных событиях? Наверное, это потому что я никогда не скрывала, что все, что я пишу на них основано.

Но тут есть тонкость. Писатель – даже если он сможет - буква за буквой - воспроизвести историю, которую прожил, как только он начнет писать эти буквы – все это автоматически становится вымыслом. Все. Потому что, в конечном итоге, никто не знает, что происходит между двумя людьми. Более того, - даже эти двое никогда не смогут понять до конца, что между ними произошло.

И когда ты пытаешься придать этой глыбе воспоминаний, которая уже тонет в тумане прошлого - некую форму, – ты делаешь это, прежде всего, чтобы ответить на вопрос: - Что это было?

Мне важно придать форму моим воспоминаниям. Ведь они - то место, откуда я пришла, и мне нужно попробовать понять, что случилось со мной там, в определенных местах моего прошлого.

Но есть еще кое-что... Возможно, самое важное, что и определяет мой выбор историй, которые мне хочется рассказывать.

Как всем известно, писательство - профессия одинокая. И когда ты один - в комнате, и пишешь свои истории о чем-то, что есть только в твоей голове и живет только в твоём

воображении, – порой это заставляет чувствовать себя еще более одиноко, чем обычно... Когда ты заперт в пустой комнате, с кучей выдуманных людей, в своей голове, которые говорят друг с другом.

Но! Когда ты пишешь о чем-то, что прожил сам, - ты, в любом случае, начинаешь рассказывать о людях, которых ты очень хорошо знал. Как правило, - в этом случае, ты всегда рассказываешь историю о ком-то, кто был тебе ближе всех, в твоей жизни. На какой-то момент. Возможно, это длилось несколько дней или даже часов, а может, - несколько десятков лет. Но только в момент, когда ты начинаешь о них писать – эти люди возвращаются к тебе, в твою жизнь, снова. На время написания истории. Они возвращаются - в своем прежнем состоянии, когда вы были близки. И это ощущается, как настоящее чудо. Это и есть мой личный янтарь, если можно так сказать. Если история сможет быть рассказанной. Если я смогу придать ей форму... В этом случае – пока я буду работать над ней – я никогда не буду в комнате одна. Я проживу всю мою историю заново, вместе с теми людьми. Которые не выйдут из комнаты, пока я не допишу до финала, до слов - «конец» или «занавес».

И с одной стороны, это будет самый настоящий и бесповоротный конец. И занавес. Но в то же время, - это станет самым настоящим и бесповоротным началом янтаря. В котором, я - та, прежняя, какой была когда-то, и какой мне уже не быть; и ты - тот, прежний, каким давно перестал быть - везде, кроме моего янтаря.

Люди – они ведь меняются. Причем все время. Просто потому что они живые. И когда вы с кем-то расстаетесь, проходит буквально несколько лет, и эти люди – они уже другие. Вы их уже больше не знаете. Вы можете зайти на их страничку в соцсети через пару лет и увидеть это. Что вы их уже больше не знаете.

А они уже больше не знают вас.

Вы снова стали незнакомцами. Как когда-то, до того, как предложили друг другу на время свою доброту.

Июнь. 2015. Дана Жанэ